

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

4

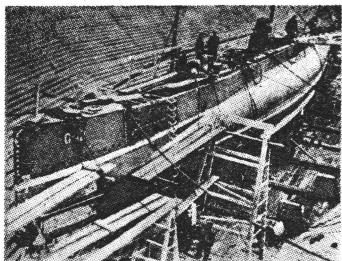
Шарф и
Мер

ОБЩЕСТВО
РАБОТНИКОВ

ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ

Фантазия Жюль Верна близка к осуществлению

В 1930 году „Всемирный следопыт“ писал о предполагавшейся экспедиции Губерта Вилькинса к Северному полюсу на подводной лодке.

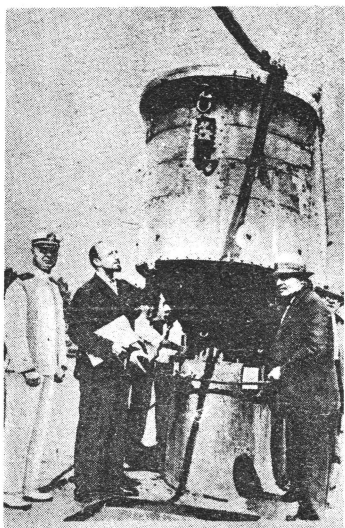
Больше года строилась специальная подводная лодка, предусматривающая все возможности полярного рейса. Лодка снабжена специальным механизмом, который легко может пробурить лед, в случае необходимости подняться на поверхность Полярного моря. Оборудована лодка по последнему слову техники.

По последним сведениям лодка заканчивается постройкой, и весной текущего года Губерт Вилькинс предполагает выйти в плавание к Северному полюсу в лодке под льдом Арктики.

В экспедиции участвует внук Жюль Верна. Подводная лодка названа „Наутилус“—по роману Жюль Верна.

С Вилькинсом едут ученые-океанографы для научных исследований.

Осуществление смелой попытки Вилькинса откроет новую эру в истории полярного мореплавания.

На снимке слева направо: Симон Лэк, конструктор подводной лодки, Губерт Вилькинс и капитан Слоан Данговер от американского военного флота осматривают подводную лодку „Наутилус“.

На мотоциклах к южному полюсу

Майор Гран, один из сподвижников Скотта, организует новую необычайную экспедицию на Южный полюс на мотоциклах.

С 20 мотоциклами Гран высадится в Гранитной гавани на восточном берегу Россова моря, откуда мотоциклы будут доставлены воздушным путем к основанию ледника Макей, в 75 километрах от гавани. Караван мотоциклов возьмет старт от большого внутреннего плато. Каждый мотоцикл будет тащить сани с снаряжением и продовольствием, весом в 300 кило.

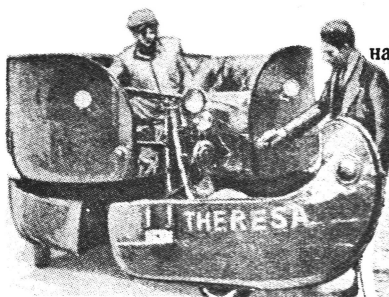
Страна землетрясений

Япония — цветущий сад, в кратере огнедышащего вулкана. Действующих вулканов насчитывается более пятидесяти. Если извержения вулканов происходят не так часто, то землетрясения в Японии так же обычны, как ливни в Европе. Все помнят страшное землетрясение 1923 года, разрушившее массу городов и принесшее тысячи человеческих жертв. Почти такое же по силе землетрясение недавно превратило в груды обломков города и деревни острова Иезо. Жители в панике искали спасения на улицах. Груды обломков погребли под собой сотни людей. Цветущий остров в несколько минут превратился в остров опустошения.

На снимке опустошения в городе Мишима.

Бомбовозы против непокорных

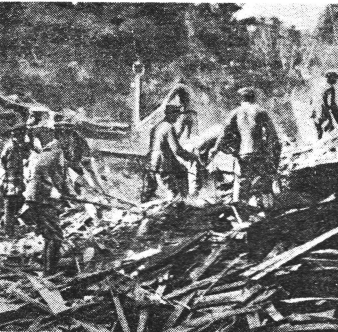
Правительство Индии по распоряжению английских властей организовало специальную эскадрилью аэропланов-бомбовозов „для охраны населения и защиты против восставших на северо-западной границе“. Бомбовозы начали свою деятельность с „охраны“ прохода Кохат, где сбросили несколько бомб в отряды индусов.

Речные и воздушные автомобили

В Америке сконструирован трехколесный автомобиль, который в случае нужды быстро превращается в лодку. Для этого стоит только нажать рычаг, опускаются понтоны, и лодка готова.

Почти одновременно производились опыты с воздушным автомобилем. Этот автомобиль снабжен крыльями, которые сложены позади машины. В случае нужды они раскрываются, и автомобиль превращается в аэроплан. Пропеллер автомобиля-аэроплана снабжен предохранительной сеткой для наземной езды. Рулевое колесо дает возможность двигаться по земле, рулевой рычаг приспособляет машину для воздушного пере-

движения. Машина имеет 3 колеса, они укреплены как шасси и костьль у аэропланов.

Речные и воздушные автомобили открывают новые возможности в военном деле. Особенно они удобны для военной разведки.

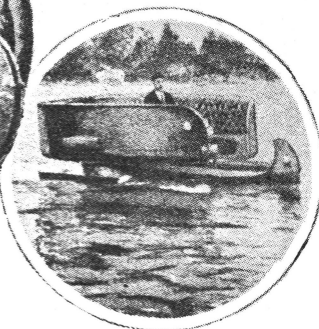
Самый высокий в мире телефон

В настоящее время заканчивается прокладка самого высокого в мире телефонного провода. Он соединяет Чили с Северной Америкой и проходит через высочайшие вершины Анд.

Прокладка линии была сопряжена с невероятными трудностями.

Грузовики, оставив далеко цветущие долины, взбирались все выше и выше. На высоте двух километров над уровнем моря они отгрузили гигантские кабели, весом в 1½ тонны, и вернулись обратно. Дальше на сцену машины пришли люди. На спинах тащили они провод на голые вершины, где нет ни растений, ни животных, в царство обвалов и угазов.

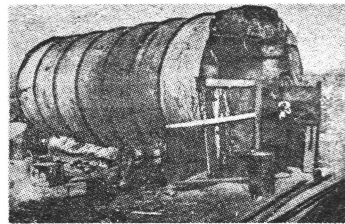
По мере продвижения вверх, на пути вырастали походные до-

мки, которые охраняли рабочих от страшных пронизывающих ветров.

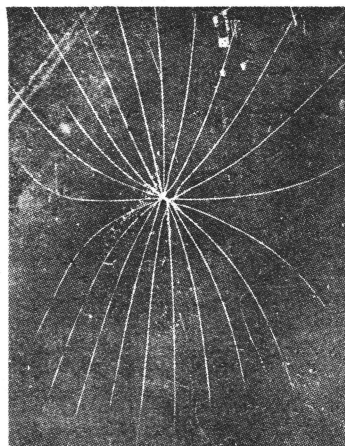
Дом в трубе

Величайший кризис охватил капиталистические страны. Гигантские заводы один за другим останавливаются, выбрасывая ежедневно на улицу тысячи рабочих. Новые кадры безработных — это единственная своеобразная „продукция“ агонизирующей капиталистической промышленности.

На фото—жилище безработной семьи в Нью-Йорке, выброшенное домовладельцем на улицу. „Жилищем“ служит... отрезок железной трубы.

Редкая фотография

На снимке: Молния, заснятая с аэроплана, летевшего над аэродромом города Далас в Техасе. Внизу видны очертания аэропланов и зданий аэродрома. Ученые, считающие этот снимок чрезвычайно интересным, заявляют, что каждая линия представляет собой электрический разряд.

ШАРФ И МЕЧ

Рассказ П. АРЕНСКОГО

Рисунки С. РАСТОРГУЕВА

День отгорал. Солнце, слепя фиолетовыми, оранжевыми и пурпурными лучами, зашло за горы. На краю цементного бассейна, почти высохшего от зноя, сидели два коричневых человека и курили.

— Знаешь, Аман, кто бы мог поднять город одним словом?

— Кто?

— Твой дядя, Сурама, хоть он и буддист.

Аман усмехнулся.

— Когда-то это был человек. Вазирь в горах до сих пор рассказывают о нем. Говорят, он порубил голов больше, чем съел баранов. Ну, а теперь он только молится да стрижет деревья в саду. Пойди, поговори-ка с ним.

— Да, — вздохнул Аман, — теперь он боится наступить на гусеницу. А когда ходит в гюрбане вошь, то осторожно сажает ее на лист, чтобы не отяготить своей кармы¹ убийством. Вот что может сделать с человеком женщина, хотя Матэ и была хорошей женщиной.

— Как это произошло?

— Она повесилась. Это было двенадцать лет назад. Сурамы не было дома, когда в его сад пришли странствующие монахи. Они просили накормить их, но у Матэ не было денег. Тут подвернулся один молодой англичанин из ольстерского батальона. Он ходил по домам, покупая старые вещи для коллекции. Он-то и дал Матэ денег. Взамен она должна была принести ему вечером лучшую розу из своего сада. Монахи ушли, а вечером вернулась Сурама. Тут собралась гроза. Огромные тучи понеслись с гор, и засверкала молния. Матэ рассказала мужу все. «Само небо», — сказала она, — мешает мне выполнить обещание». Но Сурама был человек слова. «Данное обещание должно быть исполнено», — ответил он. — Поди, выбери розу в саду». Он закутал жену с головой в мешок, посадил себе на плечи и понес. Сам он месил воду и грязь среди бушующих молний, но жену поставил на террасу с сухими ножками. Матэ вошла в дом, а он закрылся мешком и сел ждать у садовой калитки. Ждать пришлось долго. Сначала в доме горел свет, потом погас. Гроза прошла и стало тихо, а он все ждал. На рассвете открыл калитку, вошел в сад и увидел свою Матэ, повесившуюся на дереве. Она висела низко, и крысы обели ее ноги. Сурама снял ее с дерева и отнес домой тем же путем, которым принес. Он не предъявил никакого обви-

нения и никому не обмолвился ни словом. Но кое-кто видел, кое-кто слышал.

С тех пор Сурама совсем замолчал и только от зари до зари копается в своем саду. В городе его считают святым.

Аман встал.

— Я иду, Ариф. Если надо будет, сообщу в форт Сарарога, я буду там.

Ариф кивнул головой и пожал ему руку.

Наступила ночь. Ржавые лучи месяца пали на дорожки. Дом Сурамы, доверху увитый лианами, походил на темный шалаш. Внутри пахло землей, цветочной прелью и сушеными плодами. Тусклый свет фонаря едва спорил с лучами месяца.

Сурама, полуголый и черный, поглаживал длинную бороду. Аман завязывал дорожную сумку.

— Возьми с собой эти персики, Аман. К сожалению, манго еще не поспели.

— Дядя, а это что за плод висит у тебя на стене и никак не может созреть? — спросил Аман, указывая на кривую афганскую саблю, тускло поблескивавшую под фонарем. — Не та ли это сабля, которую в горах называли «мечом вазиров?»

— Да, это меч вазиров, — сказал Сурама.

— Вазирь подняли знамя восстания, — тихо и раздельно произнес Аман. — Пешавар залит кровью. Железные дороги стали, повстанцы режут провода. А ты, Сурама, считаешь манго на деревьях, в то время как индийские женщины считают головы убитых сыновей? Или ты ничего не знаешь и ничего не слышишь?

— Я все знаю, Аман, я все слышу.

— Так почему же этот меч ржавеет на стене?

— Когда Странствующий¹ шел однажды по лесу и встретил голодную тигрицу, он обратился в зайца и прыгнул ей в пасть, чтобы напитать ее.

— А тигрица облинулась и подумала: о, если бы каждый заяц был Буддой! Но мы не хотим быть больше зайцами, дядя, и питать ненасытных тигриц! Мы сами хотим есть! О, если бы ты был с нами! Одного слова твоего было бы довольно, чтобы поднять все долины Вазаристана.

Он вскинул на плечо сумку и повернулся к двери.

— Оставь мне свой адрес, Аман.

Молодой человек быстро обернулся.

— Тебе довольно написать мне только одну строчку. Я все пойму.

— Какую, мой друг?

— «Я надеваю меч вазиров». Больше ничего.

Сурама улыбнулся.

— Вспомни Матэ! — жгучим шопотом бросил Аман и исчез за дверью.

Громко и неумолчно кричали лягушки, в бассейнах задумчиво и гармонично стонали жерлянки, кузнечики и цикады оглушительно трещали в ветвях.

Матэ? Но он ни на одну минуту не забывал ее в течение двенадцати лет.

Коллектор¹ Сетон имел обыкновение распечатывать почту за утренним завтраком в обществе своей жены и пятилетнего сына. Прихлебывая крепкий чай с жареными гренками, он вскрывал одну депешу за другой, в то время как черные слуги бесшумно двигались вокруг стола, ловя глазами распоряжения мэ-самб², которые она, из уважения к занятиям мужа, подавала знаками.

— Опять побойсь! — воскликнул он. — Ленсли стрелял в толпу демонстрантов. Триста убитых и раненых. И это перед самым приездом Ватсона и в то время, когда вся наша политика основана на миролюбии и сближении. Я думаю, что Ленсли сошел с ума!

Коллектор захватил бумаги и прошел в кабинет, обставленный в духе любителя Востока. Шкапы с буддийскими рукописями, деревянные тибетские статуэтки, молитвенные мельницы, бронзовые кобры и драконы, тигровые шкуры на полу. Здесь же ждал майор Хигльс, начальник городского гарнизона.

— Я получил новые пулеметы, — сказал майор, садясь на пододвинутый ему стул.

— Так. И что вы думаете с ними делать?

— Пулеметы, сэр, существуют для того, чтобы из них стрелять. И больше они ничего не могут делать, извините меня, сэр.

— В кого же вы хотите стрелять, упаси меня боже?

— В том-то и штука, что у меня нет обстрела.

— Обстрела? Должно ли это означать, что вы недовольны оттого, что вам не в кого стрелять?

— Обстрелом, сэр, называется площадь, которая подлежит обстреливанию,

¹ Карма—судьба.

¹ Знатек Будды.

¹ Начальник провинции.
² Госпожа.

извините меня, сэр. Но перед самым гарнизоном торчат какие-то деревья, плетни и кусты. Если нападение последует с этой стороны, мы будем смяты прежде, чем сумеем открыть огонь.

— Вы ждете нападения?

— Я обязан его ждать! Я начальник гарнизона.

Коллектор встал и сделал строгое лицо.

— Вы знаете мои взгляды, Хиглс: мир, мир и мир во что бы то ни стало! Не забывайте, что страна накануне самоуправления, в какую бы форму это не вылилось.

— Самоуправления? Гм... У меня в кармане приказ о приведении частей в боевую готовность. И больше я ничего не знаю... Вероятно это нужно для самоуправления. А в Бомбее выгружаются два огромных парохода, доверху наполненные бомбами, аэропланами и танками. Это тоже для самоуправления. Той же цели несомненно служат и все три индийские армии—пограничная, внутренняя и запасная, так как они усиленно снабжаются и пополняются.

— Ясно, что все предосторожности должны быть приняты. Рубите ваши деревья, майор, но без шума. Кстати, я жду на днях сэра Ватсона от вице-короля...

— Подпишите ордер,—сказал майор, подавая бумагу.

Коллектор взял перо.

— Чья там земля?

— Сад Сурамы.

Коллектор отложил перо.

— Это невозможно. Сурама пользуется слишком большим уважением у населения. Кроме того он верный союзник правительства. Было бы политической ошибкой затрагивать его. Вам придется устроить иначе, Хиглс.

Майор внезапно побагровел. Усы его ошетинились, и жилы на шее надулись.

— У Сурамы была хорошенькая жена,—сказал он.

Коллектор поднял одну бровь.

— У нее были глаза газели и легкая походка. К сожалению, бедняжка, кончила трагически. Она кажется повесилась перед вашим окном.

Коллектор поднял другую бровь.

— Что заставляет вас говорить мне дерзости, сэр?

— Какие дерзости, когда об этом знает весь город? Маленькая дуручка не нашла ничего лучшего, как удавиться на офицерской перевязи вместо веревки.

— На офицерской перевязи?

— Я вижу, вас это заинтересовало. Да, на алом афганском шарфе, из тех, которые мы носили вместо портупей.

Коллектор отступил к стене.

— Какая муха вас укусила?—сказал он тихо.—Что вам надо?

— Мне? Ровно ничего. Я доволен своим положением. Я не жду сэра Ватсона от вице-короля. Но я полагаю, что если бы этот шарф вдруг обнаружился, для вас вышла бы некоторая неприятность. Я только предупреждаю вас, сэр.

И, шелкнув каблуками, майор быстро покинул кабинет. На столе остался неподписанный ордер.

Сурама встал на заре и вышел в сад. Сонмы дремлющих растений, цветущих и пышных, переплетались в тумане.

Привычной рукой подправлял он молодые побеги, подвязывая хрупкие ветви, и часто останавливался, словно прислушиваясь к желаниям этих странных творений, безгласных, беззащитных и погруженных в воздушный сон.

Когда взошло солнце, он не торопясь принялся за рисовую кашу, принесенную соседкой.

В это время на дорожке показался коллектор Сэтон. Свежий, только что выбритый, он бодро шел прямо к дому. Сурама на мгновение закрыл глаза. Когда он их открыл, лицо его было спокойно и дружелюбно.

— Рам-рам, Сурама,—сказал коллектор, употребляя индусское приветствие. Он протянул руку и крепко пожал хозяина за локоть.

— Чудесный сад, чудесный сад! Здесь чувствуешь себя в старой Индии, в той Индии, по которой еще шествовал благословенный со своей проповедью. Я рад, что забрел сюда. Но почему я никогда не встречаю вас на своих вторниках?

По вторникам у коллектора устраивались вечера «сближения», на которых английские дамы с холодной вежливостью потчевали чаем и бисквитами приглашенных туземцев из наиболее почетных горожан.

— А между тем нам было бы о чем побеседовать. Не говоря уже о моей коллекции—а у меня есть редчайшие рукописи из Тибета—момент таков, что все друзья Индии должны были бы держаться друг за друга.

Затем он строго сообщил своему молчаливому собеседнику, что Англия, в течение столетий несшая Индии культуру, не забывая в то же время и сама учиться у этой древнейшей из стран, почти достигла результатов своей политики, и в настоящее время специально учрежденная комиссия разрабатывает форму правления для будущей свободной Индии. Что думает об этом Сурама?

— Я плохо осведомлен, саиб,—сказал тот,—но я рад слышать, что все обстоит благополучно. Я опасался, что вражда между Востоком и Западом в последнее время обострилась, и обе стороны взялись за оружие.

Коллектор сказал с сердечной теплотой:

— Я рад, что мы договорились с вами.

Для меня не тайна, что в молодости вы были нашим яростным врагом. Но кто не совершал ошибок в молодости? Забудем о них. Вы правы: момент острый и требует жертв от нас обоих. Жертв во имя будущего Индии. Мы оба принесли их уже не мало, но готовы ли вы к новым, мой друг?

— Я готов на все, что может принести благо,—сказал Сурама.

— Прекрасные слова! Нам больше не о чем говорить.

И вновь молниеносно сжав локоть Сурамы, коллектор быстро удалился, высоко неся голову человека, нашедшего поддержку в своем ответственном труде.

— Моя библиотека, мой дом в вашем распоряжении,—крикнул он на ходу.

В тот же день Сурама получил официальное извещение о реквизиции его сада для военных целей. Бумага была подписана коллектором. Маленький человек в огромном шлеме, принесший ее, был сух и строг.

После короткого молчания Сурама сказал:

— Хорошо, саиб, я отдаю сад,—и подписал бумагу.—Но кто же будет ухаживать за деревьями? Не могу ли я остаться здесь садовником или сторожем?

— Сторожить тут нечего, — коротко сказал человек, — деревья будут срублены.

И ушел.

Сад стоял кругом в тяжелом величии, плодоносный и дымный от цветов. Весь пронизанный светом и тенью солнечных лучей, он походил на торжественное сновидение, повисшее в синеве.

Однако этот мир красоты и проникнутого блаженством покоя был только сансарой¹, о которой сказано: «Ее истинное свойство—пустота, ее внешний вид—за-

Матэ вошла в дом...

¹ Вещественный мир.

блуждение, ее признак — рождение в мученьях.

Сурама поднял голову, и по лицу его разлилось обычное спокойствие. Благословенный освобождает меня от земных забот, — подумал он.

Ариф, видевший и слышавший все, перелез через плетень с папироской в зубах и сказал:

— Вот приходил плюгавый человек, похожий на маленькую обезьяну, и в один миг отнял у тебя то, над чем ты трудился двадцать лет. О, Сурама, почему ты не треснул его по голове?

Ариф не замедлил сообщить новость соседям, и событие мгновенно облетело город. Сад Сурамы, понадобившийся властям, стал жарким лозунгом дня. Ежеминутно возрастающая толпа расположилась под отдельными манговыми деревьями, между садом и казармами. Раскаленное, обесвеченное зноем небо сеяло дымные лучи на голые коричневатые плечи и белые тюрбаны.

Отряд солдат с топорами для рубки был встречен ревом и свистом и отступил. Его сменили полицейские в красных тюрбанах. Работая дубинками, они пробивались к саду, но тут встретили людей, плотными рядами лежавших на земле и не отвечавших ни на окрики, ни на удары.

Толпа шевелилась, как одно тело, смыкалась и расступалась, отбрасывая к краям свои наиболее тревожные волны и всасывая их вновь в себя. Из-за стены гарнизона выступил отряд гурков¹ с винтовками.

— Пулеметы! — крикнул кто-то.

Толпа шарахнулась и стихла. На плетне появился Сурама.

— Друзья! — громко сказал он, и все головы повернулись к нему. — Сад продан мною добровольно, в согласии с законами, действующими в стране. Нет никаких причин для волнений. Вставайте и идите по домам.

Этим он сломил мужество своих защитников. Пошел глухой говор, похожий на ропот пчелиного улья. Полицейские вновь обрели силу и ринулись вперед, разбивая толпу на группы и гоня ее в узкие улицы.

Никакого сопротивления больше не было. Не успевших скрыться, оттеснили к пустым казенным складам и набили полный амбар людей. Ворота захлопнули и поставили стражу.

Площадь опустела. Лягушки, почувствовавшие себя наконец спокойно, заголосили посреди города так, как будто бы они были одни на всем свете.

Коллектор Сетон получал каждые пять минут донесения о происходящем. Он ходил взад и вперед по террасе, помахивая в воздухе белоснежным шлемом, который он то надевал на голову, то снимал. Заметив на улице группу прохожих, смотревших на крыльцо, он поспешил опустить дверную штору.

— Ну, как дела, Томсон?

Томсон, скептическая фигура в полицейском мундире, вытянулся и доложил о развязке.

— Прекрасно.

Коллектор открыл штору и вышел на крыльцо. Люди на улице понялись. Коллектор повысил голос.

— Я упомяну ваше имя завтра в беседе с сэром Ватсоном. Арестованных немедленно отпустить! Идите, Томсон.

¹ Солдаты, набираемые из пограничных областей Гималаев.

Индия не созрела до самоуправления...

Постойте, скажите им, что я друг Индии. Вы знаете мои взгляды: мир, мир и мир. Идите.

Через час коллектор снова вызвал Томсона.

— Как арестованные?

— Успокаиваются, сэр.

— Так они еще не выпущены? Торопитесь, торопитесь, Томсон. Мое приказание было категорическое.

— Немедленно, сэр. Я выжидал, пока уляжется возбуждение. Они еще кричат и угрожают, в частности по вашему адресу.

— Что же они говорят?

— Грозятся порубить деревья в вашем саду.

— Какая чепуха! Это краснорубашечники?!¹

— Не думаю, сэр. Но полагаю, что одна ночь, проведенная в амбаре, несомненно изменит их взгляды. Завтра утром мы их выпустим.

— Но завтра утром приезжает сэр Ватсон. Вы понимаете, что у нас должно быть все в порядке?

— Так точно, сэр. Поэтому, я полагаю, благоразумнее выпустить их вечером, после отъезда сэра Ватсона.

Коллектор помолчал.

— Прочны ли стены амбара? — спросил он. — Позаботьтесь удвоить стражу и никого не подпускать туда.

— Слушаю, сэр.

¹ Революционная организация в северо-западной Индии.

Сурама сидел один и смотрел на далекие горы, цепенеющие в фиолетовой мгле. Никто больше не зашел навестить его, но он был спокоен. Он выполнил свой долг и покончил с «сансарой». Завтра утром он покинет дом и освободится совсем.

Когда стемнело, зашел Ариф с папироской в зубах.

— Спасибо, Сурама, — сказал он, — ты оказал истинную услугу народу. Сорок человек арестовано и сидит в казенных амбарах. Среди них женщины и дети.

Этого Сурама не ожидал. Лицо его потемнело.

— Подожди, друг. Ты говоришь, там есть и дети? Но ведь амбары кишат крысами?

— О, да.

И, взглянув искоса на соседа, Ариф сплюнул и полез через плетень.

— Я говорил, тебе надо было убить эту обезьяну, — засмеялся он из темноты.

Сурама прошелся по саду. Он не смотрел кругом, глаза его были опущены и темны. Войдя в дом, он засветил фонарь и вынул из ножен свою саблю. Нет, клинок еще не заржавел. Он осторожно двинул его обратно. Руки его слегка дрожали.

В углу темнел старый деревянный сундук. Он наклонился над ним и из-под груды полинялых одежд Матэ достал маленький разноцветный узелок. Потом

вымыл руки, перевязал тюрбан и вышел из дому.

■
Душная и жаркая ночь висела над городом. Кабинет коллектора тонул в сонной мгле зеленой лампы. Тускло поблескивали шкафы с книгами и пыльными древностями. В углу цепенела деревянная статуя с черной бородой. Другая, подобная ей, стояла посреди комнаты с узелком в руке. Это был Сурама.

— Все знаю, все знаю и благодарю, — встретил его коллектор. — Садитесь, мой друг. Наконец-то вы у меня.

— Саиб, я пришел с просьбой. Когда сегодня днем явились солдаты с топорами...

— Ошибка, грустная ошибка, мой дорогой. Рубка приостановлена, и сад остается вашей неприкосновенной собственностью.

— Я пришел просить освободить людей, которые сидят в амбаре. Они взяты по моей вине.

— Это было моим первым побуждением. Завтра они будут все на свободе.

— Я прошу освободить их сейчас. Они не могут сидеть в амбаре.

— Не могут? Почему?

— Там крысы.

— О, крысы не причинят им вреда. Я обещаю вам, что завтра все до единого будут выпущены. Теперь же я хочу показать вам мои рукописи.

Коллектор зажег другую лампочку и перешел к шкапам. Он вынимал одну вещь за другой, рассказывая ее историю. Но Сурама не тронулся с места.

Саиб, — сказал он, — вот вещь, которая также принадлежит вам и которую я хранил у себя до сегодняшнего дня.

Он поклонился и положил на стол разноцветный узелок.

— Что это? — спросил коллектор, не решаясь притронуться к платку.

Сурама сам развязал его и вынул длинный алый шарф.

Коллектор вздрогнул. Впрочем, он скоро овладел собой.

— Шарф? Но как это мило с вашей стороны!

— Я нашел его в вашем саду двенадцать лет назад, — сказал Сурама и опять поклонился.

— Двенадцать лет хранить такую безделицу! Но это истинно восточная деликатность.

— Отпустите арестованных, саиб.

Коллектор аккуратно сложил шарф и положил его под пресс на столе. Затем сделал строгое лицо.

— Это невозможно, не будем больше об этом говорить.

Последовало длительное молчание.

— Я не могу уйти отсюда, пока они не будут на свободе, — тихо сказал Сурама.

— В таком случае вы останетесь здесь до завтра, чему я буду очень рад, — любезно улыбнулся коллектор.

Он опять заговорил о своих редкостях, осветил деревянную фигуру, которую назвал «брадикабуддой», и повертел молитвенной мельницей. Сурама молчал. Коллектор посмотрел на часы.

— Вы в самом деле думаете стоять здесь до завтра?

Сурама не поднял головы. Коллектор прошелся по комнате.

— Я не хочу ссориться с вами, Сурама, но вы должны понять, что мне достаточно было бы позвать слуг, чтобы вывести вас отсюда и кончить эту сцену.

Сурама молчал.

— Хорошо, оставайтесь здесь.

Коллектор запер входную дверь, задвинул ящики стола и вышел. Сурама остался один. Он не переменял позы и не шевельнулся.

Через час дверь тихо открылась и вошли супруги Сэтон. Молча поглядели они на индуса и обменялись взглядами. У миссис был сильно встревоженный, даже испуганный вид.

— Вам ничего не надо? — спросила она. — Может быть чаю? — и она перевела беспомощный взгляд на мужа. Тот покачал головой.

Сурама молчал. Супруги еще постояли и вышли.

Полицейские ринулись вперед...

— Что же это будет? — спросила она. Коллектор пожал плечами.

— А Ватсон?

— Что же Ватсон? Говорят, он большой знаток страны. Он конечно слышал об этих спасающихся отшельниках. Иметь среди прочих редкостей музея своего домашнего «столпника» не так уже плохо.

Эта шутка сильно понравилась ему. Сохраняя озабоченный и строгий вид, он на самом деле внутренне уже гордился «своим Сурамой». Перед сном он еще раз посетил кабинет, осторожно ступая, обошел вокруг индуса и тихо постоял у двери, как в церкви. Потом потушил свет и запер дверь, выходя.

Сэр Ватсон приехал утром.

Перед этим в доме была суматоха, чистили и убирали все, что могли. Все уже знали, что в кабинете стоит Сурама и пользовались каждым случаем, чтобы посмотреть на него в щелку.

Коллектор сам, с помощью двух слуг, перетирал редкости своей коллекции и убирал кабинет.

— Осторожнее со святым, — хлопотал он и, взяв у слуги метелку, смахнул пылинку с плеча Сурамы. Потом отошел к окнам и бросил общий взгляд на комнату.

— Сурама, — сказал он, и голос его напоминал тот, которым говорят с духами на спиритических сеансах, — вы не посуете на меня, если я передвину вас немного в угол? Так будет лучше.

Двое слуг осторожно подняли худощавого индуса и установили его в угол. Теперь он составлял пару с деревянным «брадикабуддой», и коллектор был удовлетворен.

Сэр Ватсон снял ослепительной белизной одежды. После короткого разговора о делах на террасе, он был незаметно вовлечен в кабинет.

Брадикабудда, зловеще смотревший из сумрачного угла, произвел на него некоторое впечатление и даже заставил сперва отшатнуться. Чтобы исправить эту ошибку, он вплотную подошел к Сураме, с любопытством рассматривая его лицо.

— Великолепно сделано. Но... он смотрит?

— Он живой, — предупредил коллектор.

Ватсон быстро отступил и понизил голос:

— Как живой?

— Один из местных святых, сэр. Совершает свое подвижничество у меня. Оцепенел вчера во время разговора со мной.

— И с тех пор стоит?

— Стоит.

Ватсон дико посмотрел на коллектора. Потом перевел взгляд на Сураму.

— Вы не устали? — спросил он громко, как говорит с глухими. — Я говорю: вы не устали? — Сурама молчал. Ватсон пожал плечами. — Совершенно непонятная психология.

По проекту коллектора завтрак должен был состояться здесь же, среди редкостей. Но Ватсон покосился в угол и брезгливо отказался.

— Может быть, мне это кажется, но от него идет какой-то затхлый воздух, — пробурчал он.

— Да? — коллектор строго посмотрел на Сураму.

— И вообще я советовал бы вам ставить их где-нибудь в саду, в беседках, что ли, или еще лучше в крытых амбарах, чтобы не подавать населению дурного примера.

«Музей» не удался. Не удался и обед, так как Ватсон пожелал обедать в клубе, в обществе всей английской колонии.

День был особенно зноен. Мертвенно-тихие стояли деревья с опаленными и свернувшимися листьями. Город поник, раскаленный и обессиленный. Но перед амбарами стояла толпа.

Она стояла молчаливо и упорно на некотором расстоянии, которое охранялось полицейскими. Она не походила на вчерашнее случайное и бурное сборище, она походила на одинокого часового, на аванпост, выставленный городом.

Вечер не принес облегчения. Воздух был тяжел, словно мрак стал весомым. В горах заиграли молнии скопившихся туч.

Обеденный зал в клубе, залитый электричеством, напоминал печь. Непрерывно колыхавшаяся пунка¹ веяла огнем. Ватсон говорил:

— В течение последних недель по всей Индии произошли волнения черни. Индийское правительство, в связи с растущей угрозой безопасности, вынуждено прибегнуть к средствам, необходимым для восстановления уважения к власти. Анархические волнения не заставят индийское и английское правительства отступить от своей политики. Такого мнения вице-короля, джентльмены.

Коллектор, искавший случая реабилитировать себя, упомянул о Ленсли и о трехстах расстрелянных.

— Он кажется все-таки отозван?

— Неблагодарно было бы оставлять его, — сказал Ватсон, глядя мимо коллектора. — Но вице-король говорил с ним и благодарил за решительность и быстроту. Он назначается в Шолапур.

Коллектор поспешил налить себе стакан. Когда подали рис с керри — индийское

¹ Пунка — приспособление для искусственного ветра — громадная холстина под потолком.

блюдо, вошедшее в английское меню,— он вновь открыл рот и упомянул о всеиндийском национальном конгрессе, с которым правительство вело переговоры. Но Ватсон холодно заявил, что «тактика конгресса разрушительна в отношении административно-экономической и социальной структуры государства».

— А как работа комиссии, сэр?

— Работа комиссии закончена, сэр.

Тут Ватсон посмотрел прямо в глаза коллектору.

— Комиссия нашла, что Индия еще не созрела для самоуправления.

Слова эти были выслушаны в чрезвычайном молчании. Подбородки джентльменов поднялись на один сантиметр выше обыкновенного. Талии миссис выпрямились, и глаза их стали строги и печальны. Англия вновь брала на себя бремя ответственности за судьбу древнейшего, но все еще не созревшего для свободы народа.

Внезапно черная ночь за окнами блеснула фиолетовым огнем. Вдали глухо зарокотали раскаты грома. Ватсон заторопился к поезду, чтобы успеть до грозы. Проходясь с коллектором, он сказал:

— Не забывайте, что мы британцы и что Британия еще существует, чорт возьми! — и, раздувая щеки, укатил в автомобиле.

Сурама стоял один во мраке. Надвигалась гроза. Сквозь глухой непрерывный рокот грома доносились тревожные гудки автомобилей. На столе трещал телефон. Все четыре решетчатых окна ежеминутно вспыхивали на стенах огненными отблесками.

Но одно видение стояло перед ним бессменно: черные, испуганные, молящие глаза. Это были глаза Матэ, предсмертные глаза Матэ — и глаза всей Индии, лежавшей кругом в тяжелой жажде, томлении и тоске.

Сердце его поднималось и летело над землей вместе с черным небом, полным огня. Он закрывал глаза и шептал умирающие молитвы. Своего тела он не чувствовал давно.

Щелкнул выключатель, но лампочка не загорелась. Коллектор выругался и вернулся с керосиновой лампой под зеленым абажуром. Он был бледен от выпитого вина.

Зазвонил телефон.

— Алло! Это я, майор Хигльс? К вашим услугам. Вазиры? (Последовала долгая пауза). Хорошо, мы примем все меры. Если завтра скопятся демонстранты, предоставляю вам действовать... Объявите военное положение... Очень хорошо. Звоните мне, майор.

Коллектор распахнул ставни окна и снял воротник. В комнате нехватало воздуха.

— Томсон! — крикнул он. Полицейский вырос в дверях. — Хорошо, что вы еще здесь. Вы оставите арестованных в амбаре.

— Слушаю, сэр. Но обязан донести, что они не ели и не пили сутки.

— Для индуса это не так много.

— Кроме того, тогда придется иметь дело с толпой.

— Именно. Подойдите сюда, Томсон. В горах беспокойно. Вазиры. Вы понимаете? С толпой надо расправиться одним ударом. Раз навсегда. Чем больше она будет, тем, я полагаю, лучше. Вы — старый полицейский и сумеете это устроить. Не мне учить вас.

— Слушаю, сэр.

— Вы знаете мои взгляды, Томсон: решительность и быстрота. Ленсли не остановился перед тремя сотнями, а не

остановлюсь перед тремя тысячами. Согласуйте ваши действия с майором. Устройте засаду, возьмите их в тиски. И помните, что мы еще британцы, чорт возьми!

Томсон вышел. Коллектор опрокинулся в кресло и закрыл глаза. Ни один лист не шевелился. Земля лежала, как мертвая, под слепящими веерами молний.

«Не бей падшего, говорит Гаутама¹, но протяни ему руку помощи. О, трижды благословенный, учитель мудрых, огонь во тьме!»

Сурама сделал шаг вперед. Глаза его были темны, как подземные озера. Привычные слова молитв стали бессмысленны и жалки.

«Не бей падшего, помоги больному,охрани спящего от духов тьмы».

Он сделал еще шаг. Он ступал беззвучно, как горный тигр. Его взгляд остановился, пальцы были скрючены и напряжены.

«Мстящий вкусит горькую и терпкую пищу. Злобствующий в гневе возродится в аду».

Сурама сжал руки на груди и закрыл глаза. Пламя лампы задрожало. Ночные бабочки массами ворвались в окно и наполнили комнату ропотом ужаса.

«Укравший будет обворован, ударивший — избит, убивший — погибнет сам».

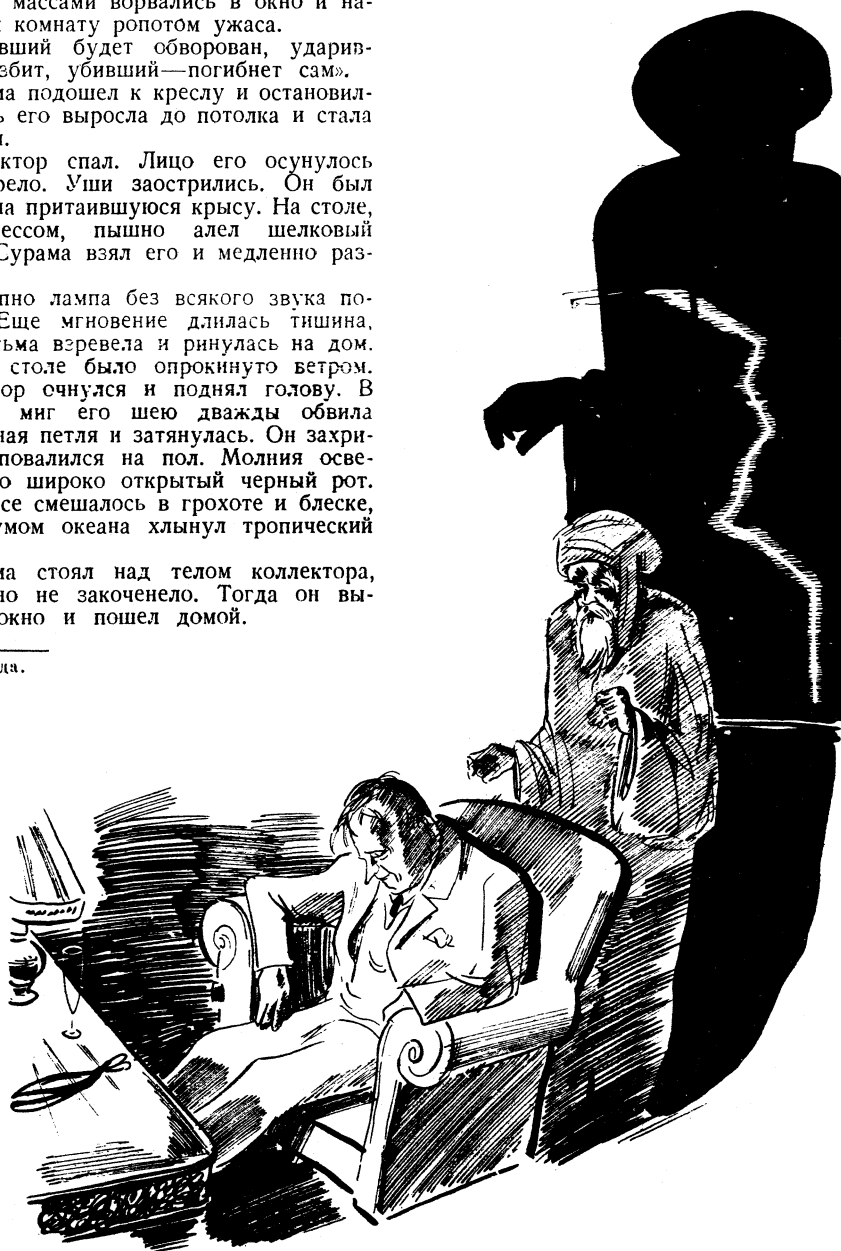
Сурама подошел к креслу и остановился. Тень его выросла до потолка и стала над ним.

Коллектор спал. Лицо его осунулось и посерело. Уши заострились. Он был похож на притаившуюся крысу. На столе, под прессом, пышно адел шелковый шарф. Сурама взял его и медленно развернул.

Внезапно лампа без всякого звука погасла. Еще мгновение длилась тишина, потом тьма взревела и ринулась на дом. Все на столе было опрокинуто ветром. Коллектор очнулся и поднял голову. В тот же миг его шею дважды обвила пурпурная петля и затянулась. Он захрипел и повалился на пол. Молния осветила его широко открытый черный рот. Затем все смешалось в грохоте и блеске, и с шумом океана хлынул тропический ливень.

Сурама стоял над телом коллектора, пока оно не закорчилось. Тогда он вышел в окно и пошел домой.

¹ Будда.

Тень его выросла до потолка и стала над ним...

КОРАБЛЬ УДАРНИКОВ

Из дневника
участника
рейса Абхазии
вокруг
Европы—
комсомольца
ударника
завода „Серп
и молот“
Г. БЕБЧУКА
Рисунки
В. ГОЛИЦЫНА

Умирующий порт

Порт Гамбург—один из первых в мире. Широкие ровные каналы, облицованные гранитом, прихотливо извиваются вокруг судостроительных верфей, доков, складов всех стран мира. Высятся величайшие в мире краны и чудовищной величины пароходы стоят на якорях. Вот «Европа»—тоннаж 50 тысяч, вот «Капаркона»—тоннаж 28 тысяч. Но не менее величественное впечатление производят... пустота и мертвая спячка всех портовых пристаней. Это—следствие острейшего кризиса, поразившего хозяйственную жизнь всей Германии. Торговые сношения почти прекратились. Рынки Германии завалены, товары сбывать некуда, ужасающая безработица.

— Порт умирает,—говорит нам член советской колонии в Гамбурге, тов. Шиман, который взялся быть нашим руководителем при осмотре города.

После двухчасового объезда порта мы пристали к небольшой пристани, за которой расстилался двор судостроительного завода.

Это—завод компании Гольдфильдса. Несколько времени назад на нем работало 10 000 человек. Сейчас—только 900 человек. Заводский двор чист и вымошен не хуже Петровки или Кузнецкого Моста. Мертвая тишина завода поражает слух.

Пересекаем двор. Сверкающая чистота, зацементированные железнодорожные пути, с иголочки новые корпуса—все это восхищает ударников. Первый цех электрический. Небольшое полутемное здание. Машин много, но большинство не работает. Цех снабжает энергией весь завод, обслуживается он одним человеком. Проходим в строительный цех. Мертвая тишина громадного корпуса пугает. Пять исполинских давящих станков покрылись слоем пыли и веснушчатой ржавчиной. Бездействуют какие-то громадные станки, тщательно накрытые брезентом. Ударники возмущаются и завидуют:

— Сволочи, сколько сократили народу, а машины гниют!

В дверях к нам подошел старший мастер цеха. Разговорились. Мастер любопытствует:

— Правда ли, что у вас сахар стоит 30 рублей?

Шиман переводит ответ ударников. Мастер расспрашивает нас о нэпе, совхозах,

колхозах, потом задает в п о с н счет зарплаты. Ударники кричат наперебой

— 150! 200! 180! 240!

Лицо мастера расплывается в широкую улыбку.

— А правда у вас ссылают в ссылку и сажают в тюрьмы, если откажешься работать?

Шиман переводит. В ответ раздается дружный смех всей группы. Мастер тоже улыбается и твердит.

— Гут, гут!

Прощаемся и выходим из цеха на маленькую пристань. Речной ветер, пронизывает все тело.

Проходим последний цех—столярный. Здесь та же тишина. Изумляют огромнейшие пылесосы. При выходе из цеха нескольким ребятам удалось поговорить с группой рабочих.

Они завтракали в темном углу кузнечного цеха вокруг давно заброшенного горна. Грязные, истощенные, бледные, они тупо и механически жевали тонкие ломтики колбасы, заедая ее картошкой. Взволнованный и потрясенный этим зрелищем ленинградский ударник—седой старикан Лужин—подошел к сидевшему поодаль старому немецкому рабочему и, трогательно похлопывая товарища по плечу, старался объяснить ему свои переживания. Немец, тоже взволнованный, протянул руку Лужину—и долго руки двух рабочих сжимались в крепкомжатии.

Снова смехотворные вопросы:

— Правда ли, что все вожди Сталина освобождены от работы? Что рабочим не дают денег и хлеба?

Мы отвечаем и в свою очередь узнаем много интересного. Заработок квалифицированного кузнеца... 50 марок в неделю. Квартира 15 марок, около 7 марок уходит на разные вычеты.

— В общем, хватает на то, чтобы поесть. О капитальных нуждах нечего и думать,—говорит один, высокий кузнец.

— Ему ничего, он социал-демократ, а большинство рабочих получают от 100 до 180 марок в месяц,—неожиданно ввертывает худощавый парнишка.

Вспыхивает спор, но в этот момент подходит чисто одетый немец, вероятно мастер, и просит нас выкатываться из цеха.

Культура публичных домов

Теплый осенний вечер. Парами, через каждые пять ступенек оборачиваясь на усыпанную двигающимися огоньками Эльбу, мы поднимаемся на знаменитую лестницу Альтоны. Темные узенькие улочки постепенно расширяются и светлеют. Появляются магазины со светящимися витринами, все чаще мелькают авто, велосипеды и трамваи. Низкие дома Альтоны ничем не замечательны и мало чем отличаются от «строительства» какой-нибудь Гончарной улицы на Таганке. В этом районе живут мелкие чиновники и рабочие.

На маленьком мосту высятся столбы с надписями. Это—граница Гамбурга и Альтоны.

Гамбург значительно солиднее и оживленнее. Вереницами проносятся трамваи, мчатся автобусы и авто. Витрины поражают роскошью и эффектным оформлением, магазины завалены разнообразными товарами, но покупателей мало.

— Хоть видит око, да зуб неймет,—говорит Шиман.—Кризис: товара много, а безработных еще больше.

Скоро попадаем в центр города,—он же центр ночных кутежей и разврата—Сан-Паулен. Широкая улица залита миллионами разноцветных огней. Кафе сменяются ресторанами, кабаре, казино, публичными домами, кино театрами. Отовсюду несутся мотивы фокстрота и чарльстона. Светящиеся сверкающие буквы рекламы бегут, извиваясь вокруг портретов обнаженных балерин и танцовщиц.

Направо от Сан-Паулена начинаются китайские притоны. Темнота, подозрительные типы, шныряющие мимо нас, наводят на мысль: «А не разденут ли здесь?» Следом за китайским кварталом ветвятся в невероятной путанице страшно узкие улицы. Это—центр разврата портовых люмпен-пролетариев: грузчиков, матросов, портовых рабочих. Длинные, в пять шагов шириною, улицы и тротуары, по которым может идти один человек, и то балансируя. Домики в два и три этажа, плотно прижавшись друг к другу, сливаются в один общий дом. Когда мы проходили мимо этого бесконечного дома, «жизнь» здесь уже кипела. Окна первых этажей были раскрыты, и в них красовались женщины, зазывая прохожих и провожая их алчными голодными взглядами.

В гостях у немецких товарищей

На одной из окраинных улиц мы посетили коммунистический книжный магазин «Красная звезда». В магазине есть полные собрания сочинений Ленина, Карла Маркса, Макса Гельца и многих других революционеров.

Шиман рассказывает нам о положении коммунистической партии в Германии.

Коммунистическая партия работает здесь легально. Хитрые социал-демократы ловко ведут свою политику. Они знают, что пролетариат в подполье во сто крат сильнее и опаснее для них. Вот почему коммунистической партии разрешили работать в открытую с тем, чтобы всегда быть в курсе ее работы и следить «за самыми опаснейшими врагами» страны. Сотни шпионов под маской рабочего входят в эту партию, следят—и предают рабочих.

Цергибели—хорошие политики. У них есть свои фашистские организации, которые втягивают в сферу своего влияния мелких служащих, чиновников и рабочих. Капиталисты переманивают рабочих в партию социал-демократов. Правительство помогает социал-предателям, строит для них дома, спортивные залы, школы, культурные учреждения. Но коммунистическая партия Германии не думает умирать. Несмотря на данную ей «свободу», она все же предпочитает работать в подполье, и работа протекает блестяще. Нелегальная «Рот Фронт» работает теперь как никогда.

— Задачей коммунистической партии,—заканчивает Шиман,—является сейчас вовлечение широких пролетарских масс с крупных предприятий в партию.

В этот вечер я и еще пять комсомольцев-ударников пошли бродить по рабочим кварталам Гамбурга. Нас сопровождал немецкий рабочий-маляр Адольф Мая. Он водил нас по таким трущобам, которые нашей старой московской Пролетке дали бы сто очков вперед. На одной из таких улиц мы зашли к товарищу Мая—Госману.

Зажигая спичку за спичкой, мы долго шли по темному страшному коридору. Сильно пахло плесенью и сыростью. Пол коридора был земляной. Сквозь деревянные стены доносились визги, крики, громы посуды. Завернули за угол, Мая постучал в дверь. За перегородкой послышался шум, кто-то споткнулся, выругался, послышался скрип отпираемой двери—и на пороге появилась изможденная женщина с керосиновой лампой в руке.

Увидев нас, женщина очевидно испугалась, но несколько слов, сказанных по-немецки нашим товарищем, успокоили ее. Знаком женщина попросила нас войти.

Пройдя кухню, мы вошли в большую низкую комнату, уставленную двумя кроватями, большим столом и полдюжиной стульев. В комнате было одно окно. Как и в коридоре, здесь пахло сыростью, оклеенные обоями стены сочились водой.

— В рабочих домах,—объяснил нам Мая,—центрального отопления нет. Солнце в квартиры очень редко заглядывает—настолько высоки дома. Как правило, все квартиры сырые.

Хозяйка оказалась очень разговорчивой, она сообщила нам много интересного о своем житье-бытье. Ее муж—кузнец на судостроительном заводе. Зарабатывает до 170 марок. У нее трое детей, старшему 17 лет, он работает в сапожной мастерской, получает 60 марок. Ни парового отопления, ни электричества у них нет.

За квартиру платят 60 марок в месяц—больше трети жалованья мужа.

Через один квартал Мая привел нас к громадному каменному дому. В узеньком проулочке мы прямо с улицы прошли в незапертую дверь микроскопической комнаты, где еле помещались кровать, стол и два стула. Здесь же пылала маленькая печка-голландка. Нас встретили мужчина и женщина, совсем еще молодые. Они приняли нас очень горячо. Оба они коммунисты и оба безработные. Она машинистка, иногда подрабатывает в рабочем клубе, он слесарь.

Прощаясь, они говорят:

— Вы закончите великое дело—пятилетку в четыре года, а мы... начнем и закончим у себя революцию!..

В шалашах за огородами...

Мая обещал показать нам окраины города, где живут низшие слои пролетариата.

Шли очень долго. Узкие неосвещенные улицы сменялись широкими, залитыми сотнями огней площадями и скверами. Потом пошли рощицы, в их гуще прятались богатые коттеджи и красивые маленькие виллы. Строения встречались все реже и реже, рощицы кончились и пошли огороды. За огородами, в темноте, среди поля зачернелись какие-то шалашы. Ночь и сгущенный мрак создавали жуткое настроение. «Куда нас ведут?»—думал каждый из нас.

Минут через пять мы пробрались тропинками увядшего огорода. Темные и молчаливые силуэты шалашей мелькали все чаще. У одного деревянного строения мы остановились. Мая быстро отодвинул щеколду и пропустил нас в жилище. Через минуту кто-то невидимый чиркнул спичкой и зажег свечку, которая скудно осветила маленькую комнатушку. Кроме деревянных нар и маленького столика в хибарке совершенно ничего не было.

— В этих шалашах,—объяснил нам Мая,—живут безработные нищие, попадают и мелкие ворьшники.

Обратно шли молча. В голове стаяла сущая суматоха и неразбериха. Звоня-

Старые аристократы с ужасом смотрели на наших рабочих.

щий, сверкающий Сан-Паулен, сотни лакированных автомобилей, величайший в мире кино-театр Уфа с движущейся лестницей, вмещающий 4.500 человек, светящиеся рекламы, колоссальный дом правительства, католическая церковь Беотри, вышиною 133 метра, высокие темные здания, кишащие ворами и проститутками, узкие лабиринты рабочих кварталов и наконец, потрясающие бедностью и нищетой жилища люмпенпролетариев—все это безостановочной вереницей наперебой проходило в сознании.

Прогулка на автобусах

Рано утром следующего дня к пристани подкатило семь автобусов. Мы заняли места. Снова проезжаем уже знакомый нам Сан-Паулен. Там царит мертвая тишина. Тов. Шиман объясняет:

— Жизнь на этой улице начинается с 7-8 часов вечера и продолжается до 6-7 часов утра. Сейчас господа-гуляки изволят спать.

Проезжаем сквер, растянувшийся на огромном пространстве. Разноцветная пышная клумба окружает грандиозный памятник Бисмарку. Здесь обычно происходят жаркие стычки рабочих демонстрантов с полицией. У одной из немецких школ ребяташки устроили нам громогласную овацию.

На Юнг-Ферштин мы проезжали мимо целых шпалер любопытных немцев. Наш приезд, несмотря на строгий приказ правительства «не устраивать демонстраций», взбудоражил весь Гамбург. «Советская зараза» заинтересовала даже высшие круги города. Мы от души гоготали, глядя на старых аристократов, которые с ужасом взирали на наших рабочих. Но все проходило благополучно. На огромных площадях мы главели на шущмансв. В блестящей форме, сверкая белыми лайковыми перчатками, они производили впечатление разряженных кукол. Впрочем эти куклы менее всего годились в качестве игрушек—дрались они очень больно.

Скоро наш отряд автобусов покати по буржуазной части города. Дома красивой архитектуры, изрисованные десятками клумб сады, зеркальные воды

озера, по которому стрелой летят пассажирские пароходики и маленькие парусники.

Автобусы останавливаются у нашего торгпредства. Большое красивое трехэтажное здание с красным развевающимся флагом. Мы пошли осматривать его. У входа протянулись ленты лозунгов: «Пятилетку в четыре года» и много других. Здание торгпредства на некоторое время заставило унести наши мысли в далекую кипящую Страну советов. Впервые мы увидели здесь близкую нам обстановку. Клуб, настоящий рабочий клуб! Небольшая сцена. Стол покрыт красной скатертью. Кругом стулья, красный занавес и лозунги наши, все наши лозунги!..

В этих шалашах живут безработные...

Под взглядом десятков любопытных немцев, весело переговариваясь, садимся на места. Вереница автобусов с «советской заразой» вновь покатила, минуя центр, на рабочие окраины.

Бесконечно длинная извивающаяся дорога. На огромном пространстве раскинулись уже снятые увядшие огороды. Вдали темнеют кучки шалашей, на горизонте ползут черные леса.

Автобусы круто заворачивают и вновь направляются в город. Рабочий район Гамбурга. На одной из улиц выходим из автобусов.

— Прогулка по рабочим кварталам, — прсвозглашает Шиман.

На улицах большое оживление. Тротуары усыпаны сотнями немцев. О перекрестках говорить не приходится — шумчаны стоят в каждом воротах. В воздухе повисло что-то страшное и тяжелое, готовое каждую минуту взорваться и на творить непредвиденных бед. Мы идем парами, чуть ли не бегом, под перекрестным огнем взглядов. Германский пролетариат вышел нас встречать. Со всех сторон доносится негромкое «Рот Фронт!»

Так — ускоренным шагом — вышли на открытую небольшую площадь, и нашим глазам представилась потрясающая картина. Площадь была полна народу. В центре, там, где торчали крыши дождавшихся нас автобусов, была непроходимая теснота. Сотни пролетариев, несмотря на полицейские запреты, все же устроили нам приветственную демонстрацию. По рядам нашим прошло приказание: «Не переговариваться с демонстрантами». Мы почти бегом продвигались в тесном переулке живых тел. В самом центре площади была такая теснота, что наши ряды расстроились и пришлось уже в беспорядке пробираться сквозь густые толпы немцев. Чувствовалось, что еще некоторое время — и вся эта бурливая масса бешеным потоком разольется по улицам Гамбурга. В густой толпе демонстрантов занесли синие костюмы шуцманов. Но демонстранты разошлись во-всю. В воздухе уже гремело несмолкаемое:

— Рот Фронт!
— Рот Фронт!!
— Рот Фронт!!!

Демонстранты хватали нас за руки, кричали по-немецки горячие приветствия, снимали с нас значки туристов и прикалывали в обмен свои значки. Положенье было критическое. Достаточно было в этот момент какому-нибудь провокатору бросить камень в шуцмана — и трудно даже представить, что получилось бы из этого...

Но в этот день экскурсия прошла благополучно. Мы добрались до автобусов и укатили во-свояси.

Вечером осматривали метрополитен. Грандиознейшее сооружение потрясло нас. На глубине семи этажей бегут не-

сколько прямых улиц. Под Эльбой проходит туннель в 400 метров длиною. Движение здесь такое же, как на центральных улицах. Поминутно спускающиеся лифты выбрасывают десятки пешеходов, велосипедистов, авто.

Побывали в прославленном зоологическом саду Гамбурга. Полное разочарование. Московский зоопарк оборудован не только не хуже, а пожалуй и лучше. В тот же день посетили звуковое кино, смотрели «Броненосец Потемкин». Картина всем очень понравилась. По окончании сеанса пропели «Интернационал».

Конец дня провели в закрытых беседах с немецкими комсомольцами, разбившись конспиративно группами по каютам.

В нашей каюте мы с Гальпериным в течение пяти часов развясняли немецким товарищам все подробности комсомольской работы в СССР.

Гамбургский комсомол работает сейчас по-боевому. На сегодняшний день ряды его насчитывают 2000 человек! Ближайшей задачей является вовлечение молодежи с тяжелого и крупного производства. Предполагается, что в течение последнего квартала число членов комсомола достигнет 4000 человек.

Утром следующего дня «Абхазия» снялась с якоря.

Барометр показывает шторм

Дул резкий ветер. Форштевень «Абхазии» смело резал волны Эльбы. Жизнь на теплоходе кипела. В столовой II класса давно уже шло оживленное собрание. Рабочие-ударники, представители 120 заводов собрались для обмена опытом работы своих предприятий. В салоне I класса кипела комсомольская жизнь. Несколько десятков комсомольцев слушали доклад Т. Гальперина о комсомольском движении в Европе.

После ужина вышли в открытое море. Быстро стемнело, погода становилась все хуже. Горбатая волна Немецкого моря стала подбрасывать «Абхазию». Палубы опустели. Ветер крепчал с каждой минутой, — но до поздней ночи носились над свирепыми волнами моря озорные песни «Рот-буксировцев»¹. Холодный ветер налету подхватывал слова и, завывая, уносил в непроглядную мглу.

Далеко за полночь мы разошлись по каютам.

В нашей каюте...

Качка поминутно усиливалась. Волны мчались по верхней палубе, шныряли под скамейками и снова прыгали в морскую глубину. Бортовая качка. Самая противная. Лежу, упершись ногами в прохладную перегородку, а руками держусь за койку. Так укачивает меньше.

Ночью Гальперина совсем укачало и его отвели в лазарет. До самого утра мне не удалось заснуть. Противно было чувствовать, как желудок словно оторванный катается внутри. На рассвете помощник капитана Москаленко вошел в каюту и закрыл иллюминатор. Рычанье проклятых волн перестало резать уши, и я забылся тяжелым сном.

Утром проснулся с головной болью. Качка попрежнему свирепствовала. Бешеные волны хлестали в стеклянный иллюминатор. Приняв душ, поплелся завтракать. Большая столовая пустовала. Насильно съел бутерброд с сыром и два стакана чая.

После завтрака иду на верхнюю палубу. Понемногу выползают ребята — бледные, молчаливые. Собирается «Рот-буксир». Я не чувствую себя в силах двинуться с места, и поэтому на зов дирижера Затучного не двигаюсь с места. По палубе проходит угрюмый рыжий боцман. Здороваясь, он бросает:

— Держитесь, товарищи, барометр показывает шторм!..

Поравнявшись с хором, ворчит:

— Грачи! Разорались и буря им ни почем.

В ответ летит громкий хохот «Рот-буксира».

Бреду в лазарет проводить Гальперина. Лежит бледный и злой. Стараюсь его развеселить, рассказываю о своем заводе, о реконструкции прокатного цеха:

— В прокатном цеху за один год построили два крупносортовых стана, которые обошлись в 500 000 рублей, увеличив производительность в два раза. Деремся за промфинплан зверски. Приходится работать по шестнадцати часов, чтобы только не остановить наш проволочный стан.

Больной улыбается, просит меня еще рассказывать, но мне делается нехорошо, и я выхожу на свежий воздух.

Море успокоилось. Небо синее, и только далекий горизонт обложен кучами пыльных туч. К полдню палуба оживает. Большинство укачанных пришли в себя и, сидя на скамейках, беседуют.

Новостей много:

— Тюрчанка Сагайдак сегодня ночью разорвала на себе кофточку, ее тошнило несколько раз.

— Киш опять лежит в постели.

— За ночь секретарь «Рабочей газеты» Светланов съел три лимона и десять апельсинов.

— Кино-оператор сосал всю ночь какие-то специальные гамбургские пилюли.

После обеда, лежа в каюте, мы с Лapidусом пишем заметки в стенгазету. Миша чувствует себя прекрасно: Он забирает ворох корреспонденций и уходит делать газету. Я сплю до ужина. День проходит спокойно. Но вечером нас ожидает неприятный сюрприз.

За ужином радиорупор захрипел голосом капитана:

— Товарищи! Неприятное известие! По радио сообщают, что в Бискайском заливе сильный шторм, барометр быстро падает.

Настроение сорвано. Сейчас же после ужина все расходится по каютам. Возвращаясь по палубе в каюту, бросаю взгляд на море: темное море совершенно слилось с грозно нависшими тучами, лишь

¹ Рот-буксир — комсомольский хор на Абхазии.

у освещенных бортов видно как бесятся шипящие валы. Палуба пустует, в салонах притаилась тишина.

Чемоданы на прогулке

Утром следующего дня я уже не мог встать, качка меня свалила совсем. Лапидус приносит мне завтрак и кучу новостей. Мы вышли в Бискайский залив, шторм восемь баллов, а барометр все падает. За завтраком присутствовала только треть пассажиров. Часть команды тоже укачало. Лазарет переполнен. Врач не успевает оказывать всем помощь. Создана бригада помощи из ударников. Кино-оператор проглотил все пилюли и чувствует себя очень скверно. Ему дали несколько капель ноду, после которых его стошнило.

От новостей и завтрака я чувствую себя еще хуже. Качка делается все ощутительнее. Бесперывно сплевываю противную тягучую слюну. Желудок решил жить самостоятельно и укладывается поудобнее. Проклятый Бискай! Проклятое море!

Вечером каюта прыгала словно дрессированный кенгуру. По полу катались графин и стаканы, чемоданы вылезли из-под коек и молча ползали взад и вперед. Ругая самыми отборными словами весь свет и в частности Бискайский залив, я с жадностью и злобой сосал лимон за лимоном. Сквозь закрытый иллюминатор доносились урчанье и рев разбушевавшихся волн. «Абхазия» попала в основательную переделку: но мы слышали стук машинного отделения, сердце теплохода работало исправно. Бояться было нечего. Два винта с одинаковой упрямостью провертывали гущу морской кипени.

О, только бы заснуть!..

Но уснуть не удастся.

Качка с каждой минутой усиливается. «Абхазия» тяжело взбирается на четырехэтажные валы. Дух захватывает. К голове приливает кровь, в ушах звенит.

Пять суток трепал шторм белокрылую «Абхазию». Пять суток сдавал генеральный экзамен теплоход при шторме, доходившем до десяти баллов. За эти пять дней в Бискайском заливе погибло два судна, а «Абхазия» без единой царапины входила 22 ноября в Гибралтарский пролив. В первый же вечер, как только установилась погода, все ударники ментально выздоровели.

Вечером 23 ноября жизнь на теплоходе кипела уже во-всю. За день выпустили обширный номер стенгазеты, которую вечером как мухи облепили ударники.

Была прекрасная южная ночь. Звездное небо горело куда лучше, чем десятки тысяч разгульного Сан-Паулена. «Абхазия» бесшумно резала темную спокойную гладь Средиземного моря. А утром установилась замечательнейшая погода. Совершенно безоблачное небо слепило глаза прозрачностью и чистотой. Море стеклянным ипподромом раскинулось до берегов Африки. На верхней палубе, без рубашек, подставляя широкие спины горячим лучам южного солнца, ударники слушали доклад т. Вигалок об Италии. Кино-оператор и фотографии носились по палубам со своими аппаратами. Старички, развалившись в креслах, играли в домино, шашки, шахматы, часть комсомольцев помогала им.

«Рот-буксир» к удивлению всех куда-то скрылся. За ужином выяснилось: устраивается вечер самодеятельности.

Близилась берега Италии.

В СТРАНЕ ИТЕЛЬМЕН

Очерк ЛЕОНИДА САЯНСКОГО

Туземный крематорий

Кончался камчатский август.

Туманы клубились по утрам в долинах; быстро вяли травы от утренних заморозков. Матовый иней серебрил по ночам крыши села.

В просторной избе, отведенной кино-экспедиции тигильским туземным риком, не угасая всю ночь горел красный фонарик. Мокрые целлюлоидовые змеи проявленной пленки выползали из никелированных баков; остро пахло грушевым экстрактом и пряным ароматом трубчатого американского табака.

Утром в избу пришел охотник Вивик. Он кивнул головой и, как обычно сообщил дежурную новость:

— Под Лысой сопкой ноне старого Укипа жечь будут. Вчера помирал. Сто и два года старик жила.

Спешно зарядили изрядно поцарапанный боевой «Белл-Хауэлл». По-человечески заохали от боли лошади. Туземцы упорно выючили их по-своему — выюк у брюха. Ехали долго, и утомительный путь, изредка чередуемый с торопливыми привалами в лесной глуши, нагнал здоровую усталость и зверский аппетит.

Наконец приехали. Но отдыхать было некогда.

На оахймленной пихтами полянке, у пригорка, дымилась костры. У яранги покойного Укипа толпился народ — свои родичи и приехавшие за сто километров соседи.

Мертвец в нарядной меховой парке, в расшитых узорами торбазах, с тарбаганьим пенкеном на голове, лежал, прикрытый оленьими свежими шкурами.

Гости весело и оживленно болтали. Грех печальить ушедшего в мир духов, и так ему горько! Пили ведрами густой чай, жевали сморщенные мухоморы.

— Мукомор лучше «пирта», — объяснял кинооператору Вивик. — Мукомор жуешь — плясать, петь будешь. Пирт пьешь — драться лезешь, сердито живешь.

Никто не оплакивал покойника, кроме двух его жен, изможденных старух. Трое молодых мамутов, с заплетенными в косички черно-синими волосами, весело перебрасывались засаленными картами. Друзья покойного подравнивали аккуратно уложенный посредине поляны высокий костер.

Потом старший из родственников Укипа острым голубоватым клинком разрезал шкуру яранги. Покойника вынесли через шель; седой подбородок его торчал кверху. Укип болел долго, и его шипчики для выдергивания волос действовали во время болезни.

Труп долго укладывали на ложе из смолистых дров. Без слез и песнопений окружили костер и зажгли. Трещало пламя.

А в стороне бешено трещал павловский «Белл»; рядом, ловя ременной петлей за покрытые пушком ветвистые рога, валяли на мох молодых оленшков, кололи их и свежей кровью, собираемой в чашки, плескали в потрескивающий костер.

Шаманна „лечит“ больного

Очерк „В стране Ительмен“¹ написан для „Всемирного следопыта“ писателем Леонидом Саянским по материалам кино-экспедиции.

Экспедиция засняла ряд интереснейших кадров для бытовой картины из жизни камчатских племен. На целлулоидной пленке запечатлелась динамика туземной жизни. Киноаппарат сдал в архив мертвую статую фотоаппарата, который пригвоздил к негативу туземцев, в суеверном страхе застывших перед человеком под традиционным черным сунном и со стереотипной фразой: „Спокойно, снимаю“.

¹ Камчадалы на вопрос: „Кто ты?“ отвечают обычно: „Ительмен“, что значит: „Я человек“.

Двадцать четыре любимейших оленя провозжали покойного зверобоя в его последний путь. Они носили Укипа при жизни по тундрам и долинам запада, они же должны были довести хозяина и до мрачного царства смерти.

Внук Кукуна получил свое имя

Павлов с ручным аппаратом был вездесущ.

Он ел и спал урывками и с жадностью скряги копил в плоских круглых коробках конденсацию быта страны, запечатленную на прозрачной пленке.

Раз ему удалось попасть на корячки «крестины».

Молодая мать только что вышла из своего ритуального заточения: женщина после родов должна по обычаю прожить в отдельной маленькой яранге больше месяца. Новорожденного—темноволосого, пухлого и смуглотелого мальчишку—торжественно вымыли холодной водой, насухо вытерли кедровыми мягкими стружками и засунули в слошной меховой костюмчик «на вырост». В этом расшитом тесемками, бисером и бубенчиками мешке новый житель Камчатки должен был провести все время, пока не научится ходить.

Женщины сели в кружок. Сияющий от счастья отец торжественно поднял ребенка и поднес его к группе уважаемых стариков. Два патриарха взяли в руки «тарарикан»—скрепленный под прямым углом угольничек из двух палочек. С угла тарарикана свешивалась отвесно жильная нитка с камешком на конце.

Установив тарарикан неподвижно так, что камешек перестал качаться на нитке, старики дали знак. Тогда все сидевшие начали хором выкликать имена предков и старших родственников новорожденного.

— Пелла-ат! Ичу-ун! Араку-улы! Куку-ун!—нараспев выкрикивали все, не спуская блестящих от ожидания глаз с тарарикана.

На слове «Кукун» руки стариков дрогнули и камешек закачался.

— Кукун! Кукун!—радостно загудела яранга.

Новорожденный стал Кукуном, в честь деда, знаменитого охотника. Родня и гости задымили трубками. На поляне женщины резали полусырую оленину из котла с похлебкой.

— По мере оседания на землю,—рассказывает нам тигильский учитель-коряк Пеллатов,—коряки переходят на русские фамилии, прибавляя обычное русское «ов» к основному имени. Мой отец был коряк Пеллат. Обрусел и стал Пеллатовым.

— Он жив?

— О, да. Мы любим долго жить. Если не свалит повальная болезнь, не сломают шею тяжелая лапа медведя или не опрокинется на волне «бат», коряк живет долго, бывает до ста лет.

— А правда, что среди племен севера свирепствует оспа, сифилис и прочие тяжкие болезни?—спросил я.

— Это выдумали поверхностные исследователи,—с неудовольствием ответил учитель.—Основная болезнь на севере—это конъюнктивит—воспаление глаз от снежного блеска. С ней всерьез теперь начинают бороться, раздают туземцам цветные очки, снабжают их лекарством. Оспа вспыхивает все реже—сказалась работа советских врачей передвижек. Ну, а сифилис... У нас, на западе, его нет. Этот «подарок» буржуазной культу-

ры не редок был на севере. А объяснялись заболевания тем, что у береговых чукчей долго сохранялся обычай уступать жен приезжим заморским гостям. Разгульные моряки из Америки и затащили проклятую болезнь на наш север. Но когда на мысе Уэлле появились советские люди, позорный обычай сошел на-нет, и болезнь идет на убыль...

— Настоящая культура проникает в край,—заклучил Пеллатов.—Но вот с шаманством еще много придется бороться, сильны еще шаманы у нас...

Шаман отгоняет злых духов от умершего

Загадочная болезнь

Неоценимый Вивик обещал экспедиции показать настоящего шамана. Случай помог ему. Ламутов-оленоводств постигло тяжелое бедствие—один за другим начали болеть лучшие олени. Болезнь была злая. Какая именно—никто не понимал. Шаман Агин обещал отвести беду, но требовал в награду чуть ли не целый табун.

Вивик рассказал это участникам экспедиции в чрезвычайно удачный момент. В село прибыла передохнуть врачебная передвижка: врач, ветеринар, фельдшер и акушерка.

Передвижка заявила к нам всем составом. Поились бесконечные рассказы о почтенной давности московских новостях, еще свежих для людей, пробывших в тундре полгода. Потом мы пристали к ветеринару с горячей просьбой.

— Нам совестно,—говорили мы,—вы все замотаны вконец. Но вот какое дело...—и мы наперебой рассказали о странной эпидемии и о прибытии шамана.

— Случай-то заманчивой,—соблазнили мы рыжеусого ветеринара.—Одним ударом можно провалить влияние шаманства.

— Чем больны олени?—улыбаясь, спросил он Вивика.

Коряк долго объяснял что-то. Выслушав его, врач сказал:

— Ну, добре! Едем. Кажется это недалеко? Но что это за болезнь—ума не приложу. Что-то очень странное.

— Всего семьдесят километров,—ободрили мы, уже привыкшие к огромным камчатским расстояниям.

Решили, не теряя золотого времени, выехать завтра же.

Шаман уступает

Низкорослые, скуластые ламуты с боязливым любопытством окружили палатку «русских начальников». Шептались, изумлялись незнакомым вещам. На опушке стояла маленькая яранга страшного шамана.

Сам Агин не показывался, держался таинственно. С туземцами говорил его помощник, молодой коряк с хитрым лицом.

Пожилой ламут, председатель лагерного совета, с грехом пополам объясняясь по-русски, рассказал нам:

— Болезнь хватает лучших оленей «за ноздри». Ни с того, ни с сего утром перестает есть прекрасный бык. Стоит понуро. Дышит тяжело, кашляет, стонет, головой качает, дрожит и ложится. К вечеру появляется гной из ноздрей, потом кровь, олень бесится, худеет и хочет помирать.

— Давно пришел сюда шаман?—спросил врач, осмотрев приведенного больного оленя.

Понурившись и тяжело дыша, стоял красивый легий бык. Из ноздрей его текла сукровица. Колени подгибались и дрожали. Красивые глаза с рыжими ресницами помутнели и слезились.

— Чудасия,—пробормотал врач, вытирая руки карболкой, и повторил вопрос:—Когда прибыл на стойбище Агин-шаман?

Выяснилось, что Агин провел здесь около десяти дней.

— Что ж, вылечил он хоть одного оленя?

— Плясал, пел, бубен бил,—показывали ламуты, как колдовал шаман над больными животными.—В лес уводил. К святой дерева вязал. Уходить велел всем. Утром приходил все. Здоровый оленька был. Кушать ему давал—кушает. Хорошо лечил Агин. Только хочет много, беда. Бедные будем,—жаловались туземцы.

Врач за опостылевшим походным обедом из «консервов» был озабочен. Вопросы сыпались со всех сторон, но он только гмыкал нерешительно. После обеда осмотрел других больных.

Кучка старшин сидела перед юртой Агина. Торговались через помощника. Агин уступил сильно—просил только двенадцать оленей и полный комплект хорошей одежды.

Ветеринар внимательно выслушал это сообщение Вивика.

— Так-так-так...—будто про себя сказал он.—Так сильно, говоришь, уступает? Угум...

Ложась спать и натянув под горло меховое одеяло, он сказал задумчиво.

— Ну вот чувствую я здесь какую-то махинацию, да и только. Понимаете вы—нет такой болезни! Не должно быть! И загадочнее всего то, что олени не заражают друг друга. Это совершенно очевидно.

— В чем же дело?

— А чорт его знает в чем,—буркнул врач.—В этих трущобах таких вещей иной раз насмотришься! Каменный век какой-то... Эти древние жрецы знают массу самых чудовищных фокусов.

— А вы думаете тут фокус?

— А как вы думаете, почему Агин вдруг пошел на уступки?—ответил вопросом на вопрос доктор.—Значит чувствует, хитрая стерва, что мы можем ему в чем-то помешать.

Разоблачение богов

На рассвете врач толкнул рослого Вивика, спавшего сидя на шкурах, и оба выползли, как ящерицы, из палатки, прячась в мокрых кустарниках.

Лагерь проснулся тоже рано. Туземцы оживленно шушукались—Агин прислал к старшинам помощника сказать, что он согласен, так и быть, взять только шесть оленей. Жаль ему людей. Потому что сегодня еще два оленя заболеют. Так ему сказал бубен.

— Два оленя сегодня заболеют?—переспросил через Вивика вернувшийся откуда-то врач.—А ну-ка,—возвысил он голос,—передай-ка этому сукину сыну, что он и бубен его врут. Не заболеют два оленя! А вот спина кой у кого заболит...

На сердитый и громкий голос врача выглянули из палатки все киношники. Набросив кухлянки, выползли на утреннюю свежесть.

— Передай-ка своему шаману,—громко говорил врач, а Вивик бесстрастно переводил,—передай, что я вызываю его на состязание—кто скорее вылечит оленей—понял!

В глазах хитрого туземца мелькнула тревога. Но тонкие губы кривились в напряженно-наглой улыбке. Своего учителя он звать сюда отказался.

Испуганные ламуты ахнули хором, когда врач решительно подошел к яранге колдуна и громко крикнул:

— Эй, как тебя... Агин! Вылезай!

Входная пола яранга распахнулась, и пестрая, косматая, увешанная хвостами и колокольчиками фигура Агина появилась в отверстии.

Подняв бубен и глухо рокоча им, глядя в упор на врача, шаман мерно шел к нам. Вдруг—совершенно внезапно—он затрясся от бешенства, вытянул вперед когтистую руку и что-то хрипло каркнул ламутам.

Туземцы всколыхнулись и угрожающе заворчали, глядя на Вивика. Многие опустили руки на пояса, где рядом с трубкой, щипчиками для волос и огнивом, висели длинные ножи.

Рослый Вивик сдвинул брови и многозначительно положил руку на ложе вичестера.

— Говорит, я олешков порчу,—быстро шепнул он врачу.

Вдруг врач, быстро шагнув к толпе, схватил за шиворот помощника шамана и крикнул:

— Товарищи! Сюда!

Мы толпой подбежали к врачу.

— Доктор,—шепнул я ему тревожно.—Туземцы злятся... Смотрите...

— Общайте его!—крикнул, отмахнувшись от предупреждения, врач.—Скорее! Председатель! Иди сюда! Ну!

Косясь на своих, нерешительно вышел давешний старый ламут. Тем временем силач Вивик ловко обхватил пронзительно заверещавшего шаманенка и завернул ему на голову полу парки.

— Возьми это,—приказал врач ламуту, показывая на увесистый мешок.—А вы кто-нибудь приведите мне больного оленя. Скорее. Ну-ну!..

— Иаа!—свирепо завизжал Агин и грозно взмахнул бубном, требуя отпустить его помощника. Но было уже поздно.

Измученные, колеблющиеся между страхом и любопытством, ламуты обступили врача. Тот открывал кожаный мешок, снятый с пояса шаманенка. Запу-

стив туда руку, доктор вытащил горсть какого-то порошка и швырнул его прямо в лицо Агину. Желтопыльное облачко за клубилось над головой шамана. Агин закрыл лицо ладонями и отступил.

Острый неприятный запах пронесся над поляной. Все затихло. Два молодых ламута с понуканьями тащили к врачу фыркавшего и кашлявшего оленя. Туземцы кольцом окружили нас, дышали часто, тревожно. Глухо мычал из-под наброшенной на голову парки пленный шаманенка, пытаясь вырваться из железных лап Вивика.

Врач достал из своей сумы спринцовку, наполнил ее борной водой и промыл оленю воспаленные ноздри. Олень чихал, фыркал, стонал и бился, но ветеринар продолжал операцию. Наконец из ноздрей животного, вместе с гноем, вылетели какие-то коричневые комья.

— Ага!—гаркнул торжествуя врач, подхватывая клочком ваты один из комочков.—Видали? Вивик, переводи. Вот эту пакость из мешка—истолченную в порошок сухую траву с какой-то зловонной примесью—они и совали оленям в ноздри потихоньку. Смесь разъедала носоглотку, олень переставал есть и нормально дышать... Э-эй! Назад! Вивик! Не давай его бить!.. Эй! Друзья удержите их...

Но сделать это было невозможно.

Понявшие злой обман ламуты, освирепев, кинулись к яранге Агина, а другие схватили его помощника. Замелькали дrevки копий. Глухие удары сыпались на извивающееся тело.

Отлетевший под напором толпы Вивик потер ушищенное в свалке плечо и, оскалив миндаль зубов, сказал:

— Чипко долга сердиться¹ будут.

¹ «Сердиться» — в понятии забытых царской властью туземцев означает «драться». Именно так проявляли свой гнев сердитые русские начальники.

Взбешенный Агин зашипел рысью, завыл что-то злое и, отпугнув этим туземцев, нырнул в кедровник. Зато его ярангу как ветром сдуло под дюжими руками обозленных оленеводов.

Доктор, засучив рукава, промыл ноздри уже третьему оленю. Над четвертым покачал головой.

— Поздно. Неделю не ела зверина. Надо колоть.

Жизнь в коробке

Только к вечеру успокоился взбаламученный невероятным событием лагерь. Запылали огромные костры. Запахло вареным мясом. Ламутские жены, прятаящиеся по ярангам во время стычки с шаманом, хлопотали у котлов с черным чаем. Лесной баян, кривой на один глаз старикан-ламут, раскачиваясь у костра, уже складывал новую песню про русского большого шамана, победившего большого Агина.

Врач довольно улыбался в рыжие усы.

— Я давно это понимал. Но если бы не Вивик, пожалуй не догадался бы. Вивик открыл мне глаза. Говорит этак вскользь, будто между прочим: «Сначала молодой шаман приходил. Потом олешки болели. Потом Агин приходил—и олешки лечились...» Ну, оставалось подкараулить этого шаманенка, что мы утром и сделали с Вивиком. А тот отбил от табуна важеньку, петлю накиннул, к дереву привязал и давай ей из-под полы что-то в ноздри совать. Ну остальное вы видели.

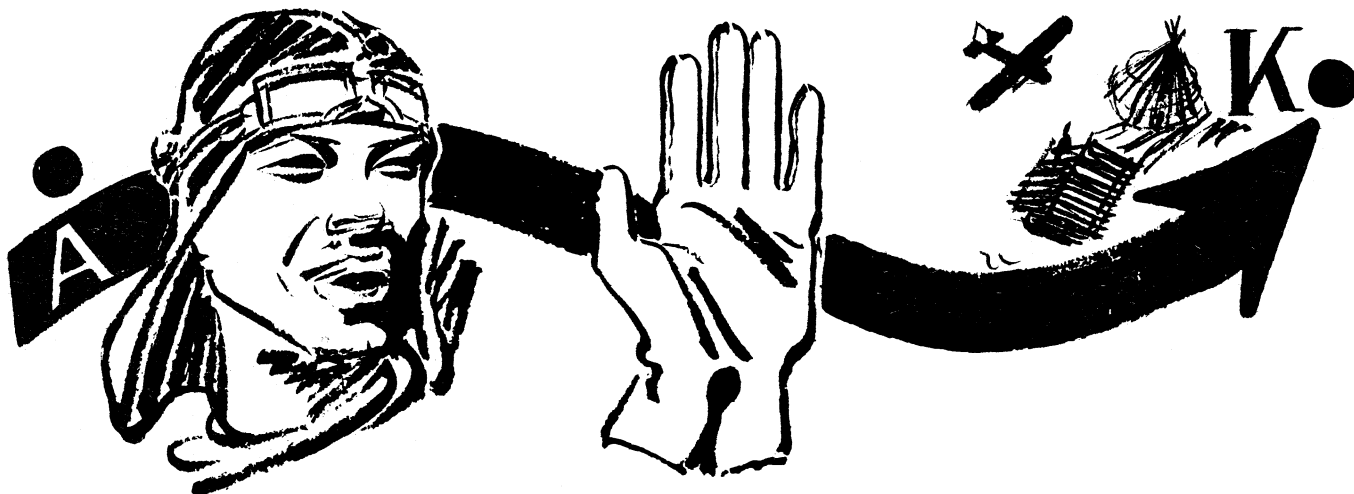
Ламуты горланили у костров—то гневно, то радостно и весело.

Но больше всех радовался в эту ночь Павлов. Всю яркую сцену стычки с Агином, поступок врача, гнев толпы, побоище и разгром колдовской яранги он успел заснять с рук, незамеченный туземцами.

Бесценный жизненный кадр лежал в его коробке.

Туземный совет решает насущные вопросы

СДЕЛКА ГОСПОДИНА ЭНГЕЛЬ

Продолжение рассказа Ник. ШПАНОВА

Рисунки Н. КУЗНЕЦОВА

3

Ровный гул мотора действовал усыпляюще. Второй пилот, молодой бело-брысый Ян Глюк, клевал носом. Полет проходил спокойно. Все были заняты своим делом. Навигатор, он же радист, не снимая наушников, старался уловить тонкие пiski мощной судовой радиостанции ледокола, стоящего у пролива Югорский шар. Но пiski то-и-дело прерывались разнотонными невнятыми взвизгиваниями, несшимися с береговых станций и беспорядочно загромождавшими эфир. Заставив ледокол несколько раз повторить передачу, радист подобрал наконец из разрозненных точек и тире связную радиограмму:

«Настаиваю скорейшем прибытии бухты Варнека. Экспедиция крайне нуждается воздушной разведке. У Варнека вполне возможна посадка чистой воды. Лед мелко битый, быстро разгоняется ветром. Курганов».

Радист тщательно выписал радиограмму и просунул ее в окошечко Клоту. Тот взял мечущийся под бьющей струей встречного воздуха смятый бланк. Ветер рвал бумажку из рук. Клот ткнул под бок дремлющего Глюка и передал ему управление. Кое-как, скрючившись за козырьком, он наконец разобрал радиограмму.

Перечтя текст, Клот на минуту закрыл глаза. Подумав, он поманил в окошечко навигатора и прокричал ему в прислоненное к отверстию ухо: «Давайте курс прямо на Колгуев, садим в Бугрино». Слова срывались ветром и терялись в реве моторов. Клот трижды повторил фразу, прежде чем навигатор согласно кивнул головой.

Машина шла невысоко. Временами Клоту казалось, что он слышит шум размашистых темных волн, поспешно кативших на юг нарастающие до белизны вспененного мыла гребешки. Гребешки гнались друг за другом и, падая с вершины волны, растворялись в темной воде. Клот хорошо знал эти гребешки. Он любил седые волны Баренцева моря. Но теперь к обычному чувству восторга перед мощью этих темных холодных масс воды примешивалось что-то подсознательно-неприятное, в чем он не мог дать

себе отчета, точно оскомины от прекрасной грозди винограда. Клот задумался, следя за бегом гребешков. И вдруг ему показалось, что он понял, откуда этот привкус оскомины: «Я предал вас, мои седые друзья. Мы видимся в последний раз». Но, тряхнув головой, Клот постарался отогнать от себя неприятную мысль: «Глупости!.. Я делаю то, что должен сделать всякий честный русский. Пусть они называют это вредительством, история, не их сумасшедшая, а наша подлинная русская, настоящая история назовет это иначе. Лейтенант фон Клот не вредитель для единой великой России, той России...»

Клот поймал себя на мысли, что старается убедить самого себя в чем-то, в чем он не очень уверен. «Пустяки,— подумал он,— только не нужно распускаться».

Вдали, в северо-восточной части горизонта, появился низкий темный валик. Валик катился, размазывая за собой серую мохнатую пелену. Надвигался туман. Клот постучал в переборку навигаторской кабины.

— Эй, Иваныч, как метеосводка?

— Не получал.

— Придется безусловно садиться на Колгуеве,—прокричал Клот. И подумал: «По крайней мере есть настоящее оправдание».

Он внимательно вглядывался в горизонт, отыскивая на востоке цель своего полета—Колгуев. Но острова все не было видно. Лишь через полчаса, почти сливаясь с тусклым сводом неба, показывалась серо-желтая низкая черточка. По мере приближения можно было различить плоскую бляху острова, опоясанную с юга широкой белой полосой прибоя. Клот взялся за штурвал и велел Глюку оставить управление.

Внизу желтели проступающие сквозь пенистую воду широкие кошки. Машина подходила к острову широкими плавными кругами. Было видно, как из крошечных домиков становища Бугрино выбегают люди и, постояв минуту с задранной головой, стремглав бегут к высокому откосу берега. Фигурки скопились у широкого разлога речки Бугрянки; от берега отделился маленький катер, медлен-

но потащившийся к морю в обход желтых «кошек».

Клот уверенно вел машину на темную полосу воды, разрезавшую кошки против устья реки. Море осталось у него за спиной. По курсу, насколько хватал глаз, простиралась буро-зеленая поверхность тундры. Клот ровно посадил машину в двухстах метрах от берега.

Подождав с острова катер и завел якоря.

Покинутая экипажем машина безвольно и беспорядочно закачалась на мутных волнах. На ней остался один только Карп. Такова уж участь бортмехаников—первым приходить на самолет перед полетом и последним покидать машину после полета.

Длинная фигура Карпа появлялась около моторных гондол, высывалась из люков кабинок, лазила по крылу. Нужно было осмотреть каждый сантиметр машины, проверить каждый болт, каждую заклепку.

Посасывая трубку, Карп мурлыкал под нос веселую песенку. Добравшись до бензиновых баков, он сунул трубку в карман и проверил уровень горючего.

Недоуменно пожав плечами, Карп на мотив песенки повел разговор сам с собой: «Спрашивается, какого хрена мы сели в этой дыре? Начальство говорит «за бензином», да нам и своего-то до самой смерти не сжечь. Чудно право».

Он задумчиво выколотил потухшую трубку. Тщательно заправляя новую порцию вонючей имитации «кэпстена», пробормотал: «А между прочим, товарищ Карп, как ты есть легкая кавалерия, то обязанность твоя смотреть в оба... И сдается мне, что хорошая разведка будет на этот раз не лишней... да, не лишней, товарищ Карп... Кто возражает против, прошу поднять...»

Трубка задымилась новым зарядом. Поэвживая ключом, Карп принялся за дальнейший осмотр машины.

Через два часа он сидел за столом и жадно, с прихлупыванием, тянул чай из стакана, обжигающего сложенные трубкой ладони. На столе белела гора хлеба и стояла недоеденная банка мясных консервов с воткнутым в желтое сало перочинным ножом.

Голова Карпа, даже когда он сидел, почти упиралась в темные балки закопченного потолка. В углу маленький горничи в высоком стеклянном чехле, похожем на футляр старинных часов, стоял, вытянувшись темным металлом во всю высоту стены, ртутный барометр. Около него на табуретках были разложены разные приборы, принадлежащие хозяину дома—метеорологическому наблюдателю Убеко Севера¹. Впрочем едва ли то сооружение, в котором находился Карп, заслуживало название дома. Покосившееся, расплывшееся по земле, как шляпка гнилого гриба, оно ничем не отличалось от остальных двух построек становища Бугрина. Когда Карп входил в хибарку, ему пришлось согнуться в поясе под прямым углом, иначе он рисковал просчитать головой все косяки.

Зато теперь он благоденствовал за кипящим самоваром, уписывая один за другим мягкие, сминающиеся в пальцах, как вата, ломти белого хлеба.

Тут же, растянувшись на лавке, отдыхал с папирсой навигатор Иваныч.

Клота не было; он вместе с хозяевами ушел на факторию Госторга.

В горнице было тихо, слышалось только острое похрустывание сахара на крепких зубах Карпа. Вдруг механик, не донес до рта очередного куска, обернулся к дремлющему Иванычу:

— Слышь-ка, Иваныч, что я у тебя спрошу.

Иваныч нехотя открыл глаза.

— Ну, что еще?

— Постой, брат, это я в порядке самокритики... На кой хрен мы здесь сели?

— А тебе не все равно?

— Значит не все равно, коли спрашиваю.

— Из-за тумана.

— То-есть из-за какого же это тумана?

— Из-за мокрого.

— Нет, ты эти пошмешенки, братец, брось. Я тебя, как человека, спрашиваю.

— Ну, дружище, какой же ты человек. Комса ты безусая, а не человек... вот подрастешь, усы вырастут, тогда человеком станешь.

Голос Карпа зазвучал резко:

— Брось балаган, Иваныч. Не до балагана твоего. Говори толком: чего сели?

— Ишь, ревизор выискался.

— Вот те и ревизор.

— Ну, ладно, не кипятись. Говорят тебе из-за тумана. Клот полагает, что впереди нас туман.

— А почему он это полагает?

— Ну, уж это ты, братец, его спроси.

— А ты-то сам как думаешь?

— Раньше думал, что чепуха, а теперь никак не думаю—спать хочется.

— Эх ты, ус моржовый, «спать»,— передразнил вялого Иваныча Карп и вышел из горницы.

Стоя на пороге избы, Карп посмотрел в сторону моря. На востоке виднелся давешний ватный валик тумана. Он быстро двигался к западу, оставляя за собой полосу чистого горизонта.

Карп задумчиво покачал головой:

«Бензина хоть залейся, туман—чепуха... тут не то что легкая кавалерия, а и сам Буденный ни черта не разберет».

Он повернулся в сторону острова. Глазу не на чем остановиться—бархатный темный бобрник тундры сглаживал все неровности.

Скользя по намокшему мху, Карп пошел в тундру. Изредка он нагибался, чтобы бережно сорвать кустик ярких незабудок, прилепившихся в складке жесткого бурого лишайника.

4

Бледное северное солнце обливало спокойное море выцветшим золотом. Волны размашисто, лениво, без гребней и без пены, захлестывали серый прибрежный песок и, шурша струйкой о струйку, также лениво уходили обратно.

Карликовая ива подняла над землей свои жесткие коричневые стебли. Ее бледные листики старались казаться свежими и яркими.

Большие полярные чайки и глупыши, распластав белоснежные метровые крылья, не хотели сходить с растянутого над ними бледно-голубого панно. А еще выше, совсем высоко, в непосредственной близости к голубому фону, перились струйками редкие облачка.

Недалеке темнел конус чума. Из его дымового отверстия вилась темная спокойная струйка. Ширясь, она уходила навстречу крикам круживших чаек.

Чум стоял в полукilометре от Бугрина. Его расставил приехавший вчера из тундры самод Екся. Екся привез совки и пимы для экипажа самолета.

Сидя на корточках перед чумом, Екся сосредоточенно курил. Он, не мигая, в

течение часа смотрел на Клота. Ему впервые довелось видеть такого чудного русака. Русак откровенно ругал Госторга, агента и даже того, кого не решался ругать сам шаман Винухан—большого начальника из самого большого исполкома.

Русак вел с Ексей чудные разговоры:

— Значит ты, Екся, агентом и Госторгом тоже недоволен?

— Какой товолен, нет товолен. Развизнозна товолен, коли агент миня манил, кумка никогда ни тавал. Такой раси хороша? Как мозна пис кумки зить?

Клот исподтишка оглянулся и поманил к себе Ексю.

— Ты, Екся, видел на какой я большой железной чайке прилетел?.. Видел?.. Я самый большой шаман, Екся; что я скажу, все так и будет... И я тебе говорю, а ты Расскажи всем самоедам на острове: скоро, совсем скоро агента не станет, другой купец придет. И большого начальника не станет, и исполком тоже пропадет. Тогда, Екся, водка будет, сколько хочешь водки. Водку, Екся, царь посылать станет. Не надо агенту песка сдавать. Вы песка прячьте. И олени постели тоже прячьте. Купец придет, много больше за меха, чем агент, даст.

По мере того, как говорил Клот, глаза Ексы делались все уже и уже. Наконец он медленно, подбирая русские слова, сказал:

— А ты, парень, не врешь, что ты самый большой шаман?

— А ты парень, не врешь..

¹ Управление по обеспечению безопасности кораблевождения в северных морях.

— Тогда всем самозадам тикать надо...

— Зачем врать? Разве ты не видел чайку, на которой я с неба прилетел?

— А ты, парень, не врешь, что царь будет?

— Не вру, непременно будет.

— Тогда всем самозадам с Колгуева тикать надо.

— Зачем же тикать?—опешил Клот.

— На большую тундру тикать, куда царь не придет. Нам агент другой нужен, а царь нам не нужен...

Теперь настала очередь Клота удивляться, но для этого у него не было времени. Со стороны берега быстро приближалась высокая фигура Карпа. Не дойдя ста шагов, Карп сложил ладони трубкой и закричал:

— Товарищ Клот! Товарищ Клот! Машина готова! Время лететь!

Клот быстро поднялся и, не прощаясь с Ексей, побежал к берегу.

Екся долго смотрел ему вслед, затем, повернувшись к чуму, позвал свою хабинэ и сказал ей по-самоедски:

— Слушай, женка, этот большой шаман-русак сказал большое несчастье самозадам.

— Мор на оленей придет?

— Постой, не перебивай. Хорошо бы только мор, а то он говорит, что сам купец от царя придет.

— Нет, Екся, не может это быть. Он пьяный был, этот твой русак-шаман.

— Ах, женка, хорошо если он и вправду это от водки придумал. А все-таки падо на совете об этом в тундре говорить.

— Почему не говорить... а только я думаю, что спяну,—спокойно сказала хабинэ и пошла засыпать чаю в ведерный чайник, кипевший на тагане посреди чума.

Екся вынул руки из рукавов и стал чесать себе живот, глядя на чаек, вышитых гладью на голубом своде шатра. «Сдается мне,—подумал он,—что женка права,—пожалуй пьян». Екся, кряхтя, встал и пошел в чум пить чай.

(Окончание в следующем номере)

ЭКСПЕДИЦИЯ В ГРЕНЛАНДИЮ

Очерк ИУНБ

Проф. Вегенер с эскимосом

Современная экспедиция

Сегодняшние полярные экспедиции мало похожи на те, о которых мы читаем в старых книгах путешествий.

Десятки вагонов провiantа, инструментов, оборудования лабораторий, аэропланы, радио—вот груз экспедиций второй четверти XX века.

Одна из таких экспедиций, состоящая исключительно из ученых, организована немецким профессором Вегенером для исследования и изучения Гренландии.

Подготовка длилась долго. На берег Гренландии были доставлены строительные материалы, 25 лошадей, аэросани, продукты. Семнадцать ученых различных специальностей сопровождали Вегенера. Кроме того им были привлечены местные

эскимосы. Только когда все приготовления были закончены и выработан твердый план, Вегенер решил двинуться в глубь острова.

Что такое Гренландия

Гренландия—величайший остров, почти сплошь покрытый льдами, достигающими толщины в два километра. И только на юге острова, на свободном от льда берегу, живет около 15 000 охотников, главным образом эскимосов.

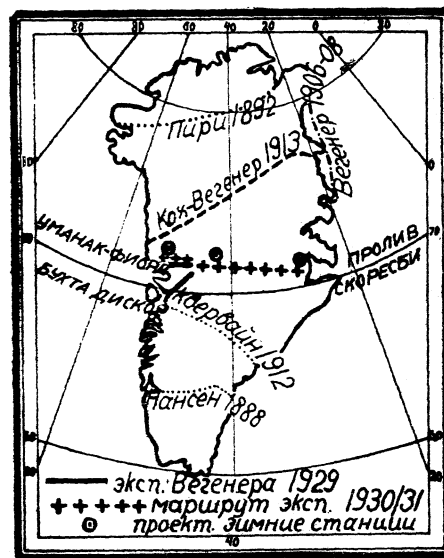
Гренландию неоднократно пересекали мировые исследователи—Нансен (1888 г.), Пири (1892 г.), Оуверен (1912 г.). Сам Вегенер пересек ее трижды. Все же эта страна остается загадкой, требующей разрешения.

Что может дать экспедиция?

Сохранились сведения, что больше 900 лет назад в Гренландии были европейские поселения. Потом связь с ними порвалась, о них забыли, и в XVI веке Гренландия была открыта снова. Но никаких следов европейцев не оказалось. Остров был покрыт льдами, а по берегам кое-где были разбросаны жалкие хижинны эскимосов.

Но и сегодня некоторые ученые считают, что в глубине острова должны быть защищенные горами зеленые долины. Поводом для таких предположений послужили теплые ветры, иногда неожиданно дуящие из Гренландии даже зимой.

Экспедиция должна также выяснить происхождение новых ледников, загадочно возникающих на острове.

Карта Гренландии

Кроме того проф. Вегенер хочет снять карту острова, точно определив толщину покрывающего его льда.

Решение климатических, метеорологических и геологических задач и наконец подтверждение теории Вегенера о происхождении континентов—вот дальнейшие задания экспедиции.

По Вегенеру, все части света были раньше одним куском земли, который потом раскололся и части стали удаляться друг от друга. Если мысленно придвинуть например Америку к Африке, то линии берегов почти совпадают, как черепки разбитой посуды.

По некоторым наблюдениям Гренландия за столетие несколько сдвинулась к Западу. Если это так, то этот факт должен служить доводом в подтверждение теории главы экспедиции.

Первые шаги Вегенера

До сих пор все экспедиции в Гренландию совершались летом. Наблюдения, собранные летом, нельзя было считать полноценными. Экспедиция проф. Вегенера—первая зимняя.

На вечных льдах Гренландии Вегенер решил построить несколько баз, связав их между собой радио, так чтобы под наблюдением находился весь остров от берега до берега.

В конце июня фантастическое для полярных экспедиций количество груза в 100.000 кило начали перебрасывать через Камаруджукский глетчер, высотой в 1 000 метров к границе внутренних льдов. Половину груза надо было доставить за 400 километров от берега на высоту 3 000 метров в лагерь Грюнау. Постройка

третьего лагеря—Шейдек—была намечена на высоте в 900 метров.

Все это было сделано до начала зимы.

Организация станций

«Все это было сделано»—звучит просто. Трудно рассказать о всех затруднениях. Начать с того, что еще «до начала зимы» температура упала до 30—35° ниже нуля.

Путь на Камаруджук был поделен на три части. Для первых двух этапов использовали выюнных лошадей. В горах поверх льда был глубокий снег. Здесь пришлось пустить в ход сани с собачьей упряжкой. Дальше, из-за трещин в глетчере, для продвижения в глубь острова пришлось построить 15 деревянных мо-

Последние известия сообщали о постройке четырех станций-лагерей. Две из них были связаны радио.

2 октября с Камаруджука в Германии было получено радио:

«Направлявшийся к центральной станции, во льды, четвертый транспорт собачих упряжек, который мы организовали для окончательного снабжения станции на зиму, был внезапно застигнут непогодой, сопровождавшейся сильными холодами. Выпал снег толщиной в 21 сантиметр. Девять гренландцев из числа наших помощников отказались идти дальше и вернулись назад. Продолжаю путь с пятью эскимосами. Доктор Лева».

Добровольный отшельник

Беспредельная снежная ширь. Молочно-

тучи снега, со свистом и ревом кружат его, громоздят в причудливые формы, чтобы через минуту разрушить затейливую постройку и придать ей другую форму. Долина волнуется, как грозное море, снежные дюны гигантскими волнами налетают друг на друга, разбиваются на тысячи кристальных брызг. Там, где только что было ровное место, вырастают холмы, где были холмы—образуются долины.

Но люди упорны. Медленно, но верно они двигаются все вперед и вперед. На шестой день пути среди снежного моря показалась одинокая хижина. Это—вспомогательный метеорологический пункт.

Привал. Собаки, поев, свернулись калачиком, уткнули нос в теплую шерсть и заснули, прикрытые сверху снежным одеялом.

Люди расположились в хижине вокруг походного примуса, на котором аппетитно дымился чай. Их было шестеро: 5 эскимосов и немец—доктор Лева.

Впервые в истории Гренландии эскимосы—основные его обитатели—решили последовать за белыми внутрь страны. Молодые, закаленные туземцы с гордостью двигались вперед, хотя и не без внутреннего страха. Несмотря на уверения белых, что там, на «больших льдах» не страшно, все же нет-нет да екнуло сердце: а вдруг из снега выскочит дьявол или еще какое чудовище, которые, по уверению стариков, населяют льды Гренландии.

Но чем дальше шли, тем меньше оставалось места для суеверных страхов. И даже жуткие стражи—развеваящиеся по ветру черные флаги, воткнутые в снежные сугробы,—не страх вызывали в их душе, а радостное сознание, что они идут правильной дорогой. Да и трудно сбиться с пути, когда через каждые 5 километров маячит черный флаг.

Дни сменялись днями, а люди упорно, настойчиво продвигались вперед, взбираясь все выше и выше. Снег стал более рыхлым. Ветер стих. Солнце ярко светило на иссиня-черном небе. Дыхание становилось затруднительным.

На двенадцатые сутки на горизонте показался сугроб, значительно больший обычного. Лихо подхватили собаки и остановились перед большой палаткой.

Утро после снежного бурана на гренландском льду. На переднем плане собачьи упряжки засыпаны во сне снегом

стов шириной до трех метров и местами рубить дорогу, поднимающуюся спирально вдоль склонов.

Дело было не в том, чтобы каким-нибудь образом прорваться одному транспорту: надо было именно прорубить дорогу, чтобы по ней наладить переброску строительных материалов, провианта, инструментов.

У лошадей кончался фураж. Чтобы получить его в спешном порядке из Европы, надо было время. И вот пришлось уговаривать гренландцев рвать чуть ли не по травинке отдельно растущие близ жилищ растения и сушить их.

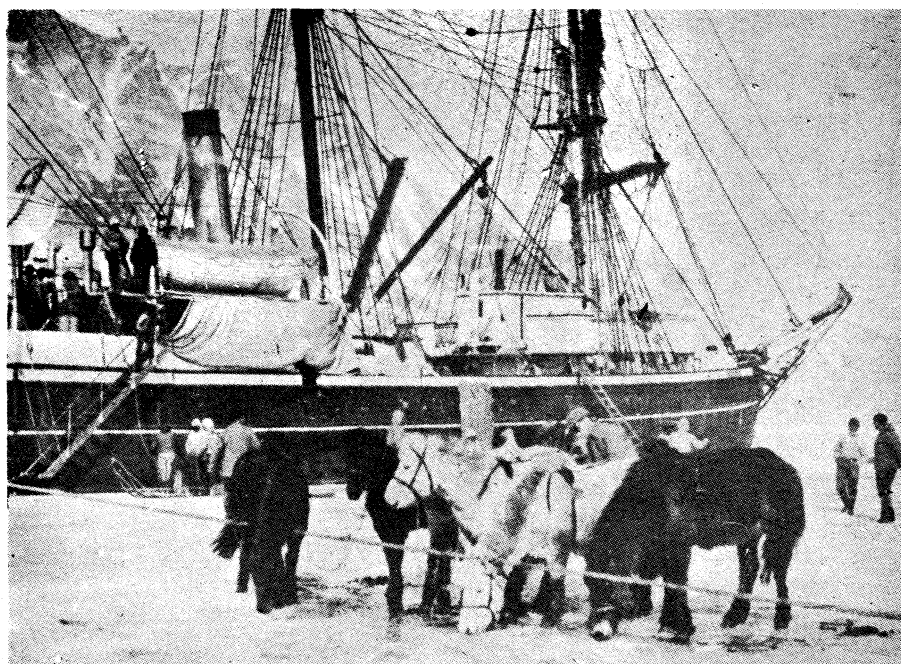
Когда был пройден первый этап, 15 июля, отправилась для постройки станции в центр острова первая дюжина собачьих упряжек. Группа Георги достигла места будущего второго лагеря 31 июля. Здесь остался один руководитель, а упряжки вернулись назад за новой поклажей. Еще до возвращения первой группы, 6 августа, пошли новые восемь упряжек.

Так был основан второй лагерь в 400 километрах от берега.

Работали и лошади. Но они были предназначены служить «продовольственной базой». Холода должны были предохранить туши убитых лошадей от разложения, а для дальнейших передвижений предназначались аэросани. Аэросани при первых пробах на глетчере дали скорость до 100 километров в час. Грузоподъемность их—1000 кило.

белый блестящий снег, слепит глаза. Несмотря на яркое солнце, страшный холод леденит конечности. Резкий ветер хлещет в лицо, затрудняет движение. Но упорны собаки, и еще упорнее люди, которые гонят нарты вперед.

Ветер бешеным порывом подхватывает

Первые лошади в Гренландии—исландские пони, привезенные для экспедиции

Приветливо махнул рукой стоявший у входа здоровый, загорелый человек — доктор Вегенер.

Три недели тому назад Лева расстался с ним и вернулся на берег, чтобы доставить Вегенеру необходимое продовольствие и инструменты. Отдохнув день, доктор Лева с эскимосами уехал обратно с тем, чтобы вернуться за ученым весной.

В самом центре острова, на льдах, профессор Вегенер поставил походную хижину и расположился на зиму. Добровольный отшельник остался один на всю долгую зиму среди льдов и снегов Грен-

ландии. Он окружил себя огромными ящиками с инструментами и приготовился к серьезной и длительной научной работе — к метеорологическим наблюдениям и исследованиям.

Вегенер — первый человек, решившийся перезимовать на ледяном поле острова. От успеха его исследований зависит разрешение вопроса огромной важности: основание на острове авиобаза для регулярных рейсов воздушной линии, которая свяжет север Европы с севером Америки.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

ШЕСТЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ И С Т О Р И Й

Молодое поколение советских филателистов смотрит на марку, не только как на знак почтовой оплаты, но как на документ эпохи. Очень много марок вышло с момента их изобретения в 1840 г. англичанином Раулэндом Гиллем, но лишь несколькими суждено было сыграть известную роль в истории. Невольно приходит в голову известная немецкая поговорка: «Маленькие причины — большие последствия».

В конце прошлого столетия де-Вилляр, работник одной из бесчисленных китай-

Рис. 1

ских таможен, получил от местного правительства предложение составить рисунки для новых марок. При выполнении проектов де-Вилляр допустил ошибку, оказавшуюся для него роковой: для одного из своих рисунков он употребил цвет императорского пурпура, что по китайским понятиям является преступлением. Кроме того он распределил текст надписей совершенно недопустимым в глазах китайцев образом.

Художник жестоко поплатился за свои невольные преступления. Его присудили к изгнанию и отвезли в дикую и неизвестную местность Тибета, предоставив там собственной судьбе. Другьям Виллара после нескольких лет неустанных хлопот удалось освободить его. Но здоровье художника было уже надломлено и вскоре после своего спасения умер.

Рис. 2

Марки по рисункам Виллара, выпущенные в 1897 г., были уже к концу следующего года изъяты из обращения и заме-

нены марками того же рисунка, но с измененной надписью (рис. 1).

А вот какие события были вызваны почтовой маркой Кореи (рис. 2). Выпуск указанной марки с частичным английским текстом вызвал совершенно невероятное «потрясение государственных устоев». В 1885 г. Корея намеревалась примкнуть к Всемирному почтовому союзу. Все приготовления были уже сделаны, новые марки были выпущены, и по случаю этого события в министерстве иностранных дел организовали большой банкет. Приглашенные сели к столу. В этот момент — обливаясь кровью, весь покрытый ранами, шатаясь — в зал вошел доверенный король, ведший переговоры с Бюро Всемирного почтового союза.

Оказалось, что враждебные всякому более или менее прогрессивному мероприятию чиновники распустили слух, что вступление Кореи во Всемирный почтовый союз подорвет будущее империи. Они устроили заговор, и уполномоченный король избежал смерти только благодаря отчаянному сопротивлению. Но в Сеуле уже успели вспыхнуть уличные волнения, и проживавшие здесь европейцы долгое время находились в опасности, рискуя быть убитыми в качестве приносящих несчастье «чужих демонов».

Рис. 3

В Судане, в 1898 г., чуть было не вспыхнуло восстание из-за марок, на которых изображен всадник, везущий почту на верблюде (рис. 3). Эти марки были напечатаны в Лондоне на бумаге, имевшей в качестве водяного знака крестообразный цветок лотоса. Туземные фанатики-магометане, приняв этот знак за изображение креста, были крайне возмущены, усматривая в распространении таких марок оскорбление своих религиозных чувств. Правительству пришлось изъять весь выпуск и отпечатать его на бумаге с новым водяным знаком — в виде полумесяца и звезды.

Аналогичная роль выпала на долю марки, выпущенной в Индии в 1911 г. Слон,

изображенный на этой марке, был нарисован так, что его можно было легко принять за свинью. Изображение этого нечистого животного оскорбляло религиозные чувства жителей и вызвало величайшее возмущение. Вскоре после появления марки в продаже английская тай-

Рис. 4

ная полиция напала на след подготовлявшегося крупного восстания. Когда начали доискиваться причины, то оказалось, что агитация браминов была направлена против злополучной марки, которую конечно тотчас же изъяли из обращения.

В 1900—1901 г. в Доминиканской республике вышли марки, с изображением географической карты острова Гаити (рис. 4). Границы Доминиканской республики с негритянской республикой Гаити были очерчены на этой карте так неясно, что создавалось впечатление, будто часть этой последней присоединена к Доминике. В Гаити по этому поводу возникло большое возмущение и в течение некоторого времени существовала опасность войны между указанными республиками. В конце концов доминиканское правительство приняло во внимание заявление Гаити и изъяло из обращения весь выпуск этих марок. Специальная правительственная комиссия сожгла их в столице Доминиканской республики Сан-Доминго.

Большую роль сыграла однажды в американской политике почтовая марка Никарагуа (рис. 5). Когда в 1902 г. в Вашингтонском конгрессе и сенате обсуждался вопрос о финансируемом Соединенными штатами нынешнем Панамском канале, то горячие прения вызвал вопрос о том, следует ли проложить канал через Панама, или через Никарагуа.

Рис. 5

За два года до этого, 14 мая 1900 г., произошло сильное извержение вулкана Момтамбо, находящегося в Никарагуа, как раз вблизи той местности, через которую предполагалось проложить канал. Это извержение изображено на марках Никарагуа выпуска 1900 г. Во время извержения верфь, расположенная у подножия вулкана и видная на марке, была совершенно разрушена. Сторонник проведения канала через Панама, французский инженер Бюно Вавилла, купив 96 почтовых марок этого выпуска, послал по экземпляру каждому из сенаторов. Впечатление было ошеломляющее, даже самые горячие сторонники проведения канала через Никарагуа воочию убедились в том, что защищаемый ими проект весьма опасен. При решающем голосовании большинство оказалось на стороне проведения канала через Панама. Таким образом в вопросе большого экономического значения решающую роль сыграла почтовая марка.

А. Ч.

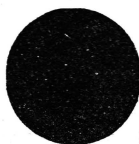
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1931 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

Борьба Миров

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ,
ПУТЕШЕСТВИЙ и ОТКРЫТИЙ, СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ
и ИЗОБРЕТЕНИЙ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ
===== ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА =====

Показать величие и красоту эпохи, воспитать в читателе чувство героического настоящего, развернуть перед ним увлекательные страницы роста страны строящегося социализма и ее ближайших перспектив, зажечь огнем борьбы и социалистического творчества—такова цель журнала „БОРЬБА МИРОВ“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ

на 1 год 4 р. 50 к.
на 6 мес. 2 р. 25 к.
на 3 мес. 1 р. 15 к.
Отдельный номер — 40 к.

ЮНЫИ
НАТУРАЛИСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ
И Л Л Ю С Т Р И Р О В А Н Н Ы Й
ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО
БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ

ПРИ ЖУРНАЛЕ ИМЕЕТСЯ ПОСТОЯННАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ
ПО ВОПРОСАМ РАБОТЫ ЮННАТОВ

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: обслуживать ребят, интересующихся естествознанием и работающих над изучением природы (кружки юннатов, школьники, пионеры), путем марксистского освещения важнейших вопросов естествознания и руководить их практической работой.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 год 3 р. 20 к.
на 6 мес. 1 р. 60 к.
на 3 мес. — 80 к.
Отдельный номер — 30 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором КНИГОЦЕНТРА ОГИЗ а (Москва, центр, Ильинка, 3), во всех магазинах, отделениях и киосках Книгоцентра ОГИЗ а и на ПОЧТЕ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1931 г.
НА ЖУРНАЛЫ:

СМЕНА

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ НОМЕРОВ В ГОД

МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

СМЕНА принимает активное участие в пролетарском литературном движении, работая в контакте с РАПП и опираясь на рабочие литературные кружки.

Приложение к журналу „СМЕНА“

БИБЛИОТЕЧКА

36

**выпусков
в год**

„СМЕНЫ“ ВЫХОДИТ
КАЖДЫЕ
10 ДНЕЙ

В библиотечку войдут небольшие произведения лучших молодых писателей, поэтов, очеркистов и критики по наиболее жгучим и злободневным вопросам партийной и комсомольской жизни

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

С приложениями	Без приложений
На год 7 р. —	На год 4 р. —
На 6 мес. 3 р. 50 к.	На 6 мес. 2 р. —
На 3 мес. 1 р. 75 к.	На 3 мес. 1 р. —
Отд. выпуск прилож. 10 к.	Отд. номер журнала 15 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Орган ЦК ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ

Выходит два раза в месяц

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 год	11 р. 50 к.
на 6 мес.	5 р. 75 к.
на 3 мес.	2 р. 90 к.
Отдельн. номер	— 60 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором КНИГОЦЕНТРА ОГИЗ а (Москва, центр, Ильинка, 3), во всех магазинах, отделениях и киосках Книгоцентра ОГИЗ а и на ПОЧТЕ.